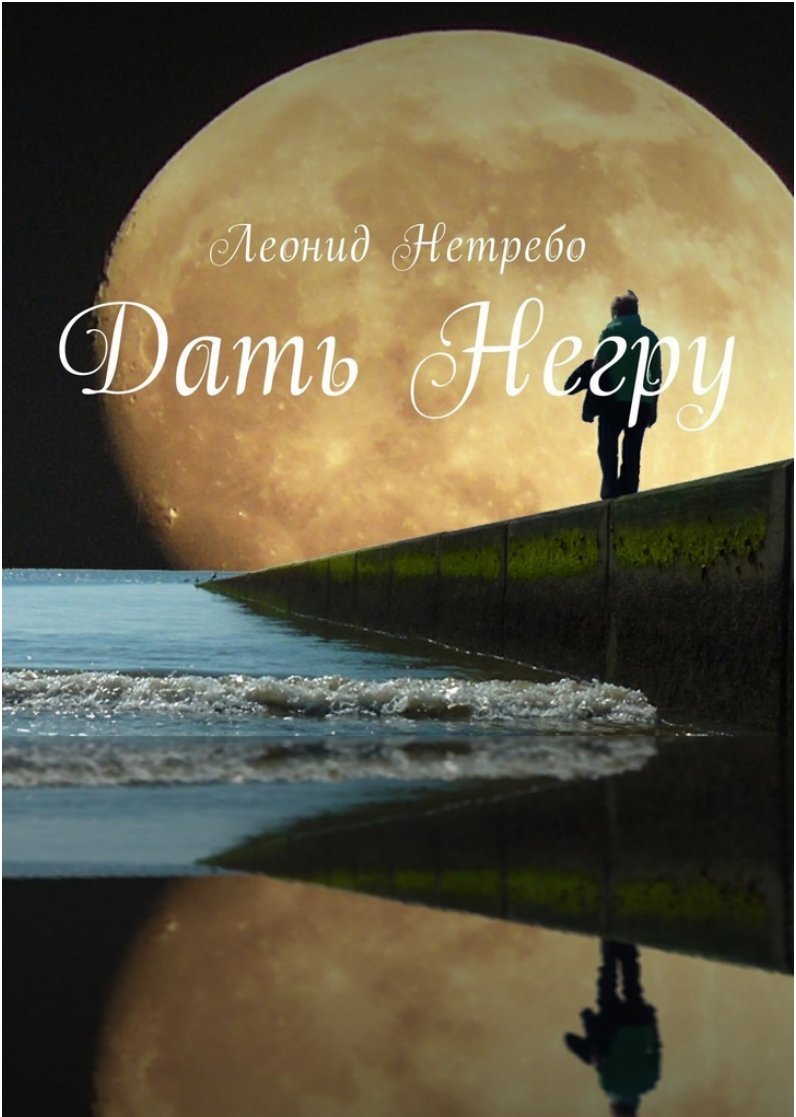
Леонид Нетребо
Дать Негру

Леонид Нетребо
Дать Негру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412958
ISBN 9785449035462

Аннотация

В книгу вошли повести и рассказы последних лет. Герои – наши современники, стоящие перед выбором, цель которого обретение любви, понимания, душевной гармонии. Можно ли вернуться в прошлое, чтобы восстановить справедливость, веру, оживить чувства, обрести храм в своем сердце? Читателям, каждый из которых в героях узнает хотя бы частицу себя, предстоит тревожный и нелегкий поиск ответов на эти вопросы, и, возможно, в конце читательской тропы, их ожидают интересные находки и удивительные открытия.

Содержание

РАССКАЗЫ 5
ПОДУТЬ НА ШАРОВУЮ МОЛНИЮ 5
ГАВРОШ И ВОЛК 71
ЛЕВЫЙ ШМЕЛЬ 94
ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ 136
ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ 149
ЛЕТЕЛИ ДИКИЕ ГУСИ 157
Конец ознакомительного фрагмента. 158

Дать Негру

Леонид Нетребо

© Леонид Нетребо, 2018

ISBN 978-5-4490-3546-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

ПОДУТЬ НА ШАРОВУЮ МОЛНИЮ

1

…Прочь, мятая шторка, и – шаг вперед. Сейчас он искупается в яростных лучах софитов, в дожде оваций, в восхищенных взглядах поклонниц…

– Слишком вычурный фасон!.. – просто сказала жена, при этом вскинутые брови и распахнутые глаза вполне годились для нежданной встречи после долгой разлуки. Ноты и мимика не соответствовали: так странный человек, закинув голову к небу, вдруг заговорит о земле; или, глядя на языки пламени, изречет нечто, относящееся к противной стихии.

Впрочем, этот эпизод произошел чуть раньше и, наверное, на самом деле, разноречивость жестов и слов, если и случилась, то лишь слабо выраженной, а может быть, и вовсе отсутствовала. Но потом, как это часто бывает, представилось, что именно отсюда завязался сюжет…

Казалось бы, что сверхъестественного в том, что у человека в автобусе тайно изъяли (или все же, точнее сказать, украли) – не важные документы, не полсостояния, – а всего лишь кошелек с отпускной зарплатой, пусть даже и пред-

назначавшейся для покупки давно желанного выходного костюма? Однако Жоржу это событие вдруг отчетливо высветило всю глубину его жизненной нетвердости, униженности перед рядовыми, в общем-то, обстоятельствами. Нет, дело, конечно, не в кошельке. Все гораздо печальнее и ужаснее.

Вечером жена, кажется, окончательно успокоившись, устало заключила: «Жулики не лезут в карман к кому попало. Значит, к тебе можно». Это был более чем диагноз, – приговор.

Продумав всю ночь, Жорж пришел к выводу, что причина его болезни довольно проста: в нем умер или, по крайней мере, уже давно не подает признаков жизни, условно говоря, артистизм – умение перевоплощаться, приспосабливаться. Умение, которое было панцирем, защищавшим от невзгод. Моллюска лишили раковины, и вместо спокойной мудрой улитки в родной влажной стихии – не успевшая за отливом, рыхлая, беззащитная масса, несимпатично страдающая на равнодушном, сохнущем берегу.

Итак, если отталкиваться от «театральной» основы его рассуждений, – кто он на подмостках жизни? Бывший артист самодеятельного институтского театра, человек довольно преуспевавший – поблажки преподавателей, успех у сокурсниц… Что еще нужно студенту, если не говорить о деньгах! Именно там, на студенческой сцене, его впервые заметила и выбрала – о, да: выбрала! – тогдашняя поклонни-

ца, будущая жена. И даже имя – Жорж – вовсе не имя, а… как бы точнее выразиться? – надуманный, не привязанный ни к какому сценическому образу, и вдобавок, как сейчас кажется, вычурный, – псевдоним. Псевдоним для жены; то есть – для ее личного пользования: иностранно-кореженное из паспортного Георгия, из колыбельного Юры. Это неудачное псевдо со временем перешло, опять же стараниями пассии, когда она еще не была столь рациональна, в обыденное житейское имя… Обыденное! Трепетность рампы, торжественность софитов незаметно перетекли в рутинную прозу, причем, характеризующую даже не безыскусность арт-ремесла, присущего сонму театральных поденщиков, а духовную скудность однообразных бытовых и производственных будней, заполнивших все поры жизни. Нулевой репертуар породил новое, постылое амплуа, причем – за пределами милого сердцу театра… Величавый пикантный Жорж, с богемным, как уверяла Георгия будущая жена, – с богемным обликом, превратился в безликого, ни анфаса ни профиля, инженера Жоржика.

Жоржик!.. – очень скоро это уже слышалось кличкой, причем с маленькой буквы. Прозвание существу, которое женщина из милости взяла жить в новую квартиру, подаренную ей перед замужеством не излишне состоятельными, но щедрыми родителями (видно, предполагавшими, что их чаду не стоит надеяться на мужнины перспективы). Никогда за время супружества Жорж не слышал слова «примак» – ни

в семье, ни в компаниях, – понимая, что его окружают культурные люди: в доме повешенного не говорят о веревке.

Да, будни супружества быстро выхолостили восторги жены относительно драматических талантов мужа. Так называемый народный театр, ввиду его «самодеятельности» – нотки презрения в устах «главной половины» (читалось: «бесплатности»), – пришлось оставить, и «Жоржик» полностью отдался работе по технической специальности, которую получил в институте. С художественным творчеством было покончено так решительно и бесповоротно, что очень скоро ему стало казаться невероятно странным юношеское увлечение, оставившее в память только несколько студенческих фотографий, да пылящийся в дачном чулане старый парик, который в последние годы, попадая на глаза, пугал навязчивым «сюром»: это скальп Жоржа, снятый в молодости с его «богемного» черепа. Именно суеверие хозяина гарантировало парику столь долгую жизнь в чулане, иначе он давно бы истлел на дачной свалке или сгорел в садовом костре ненужным хламом вместе с осенним сором…

«Падение» Жоржа по скорости и неотвратимости можно сравнить со снежной лавиной. По результатам – с мутацией плодоносного древа, корням которого простодушно, но до губительности неудачно, поменяли почву, лишив каких-то важных минералов: вместо прописанной породой крупной душистой сливы – кислый терновый кукиш в нечесаной колючке.

Однажды осозналось, что упомянутая обыденность каким-то патологическим зигзагом вырулила на странную дорогу, где Жорж уже не управлял собой. Ему стало неимоверно трудно то, что присуще нормальным людям: сделать веселое лицо, когда на самом деле печально, сыграть грустную, сочувственную мину, когда весело; сказать «останьтесь», когда хочется – «уйдите»… Происходящее в душе предательски писалось на лице, от этого он сделался неуверенным и даже где-то пугливым, быстро растеряв друзей. Воистину, артисту далеко до обывателя: выученная роль – не самое тяжкое поле для притворства! Получалось, что лицедейство, когда Жорж еще полагал себя артистом, а не обывателем, являлось для него не инструментом, высекающим публичные восторги, но особой потребностью, которая поддерживала на плаву в бурлящих потоках жизни. А то, что он уже тонет, стало понятно после рядового, на первый взгляд, случая…

…Приобретение костюма наметилось давно. В означенное число, первый день выхода Жоржа в очередной отпуск, чета долго ходила по центральному универмагу, примеряя импортные и отечественные гарнитуры. Одни костюмы висели на Жорже мешком, на другие не хватало роста, на третьи – талии… Одно из строгих облачений, казалось, пришлось впору фигуре, но настолько старило лик, что от классики пришлось отказаться. Когда усталость от неудачных примерок грозила перейти во всеобщее раздражение, поку-

пателей и продавцов, магазинная принцесса, странно ухмыляясь, торжественно выплеснула из запасников мужского салона темно-фиолетовую двойку и убедительно возвестила, что это самый последний всплеск западной моды, а посему – штучный экземпляр, исключительно для взыскательных клиентов с оригинальным вкусом и так далее.

Когда Жорж в тесноте примерочной кабины облачился в плотно облегающие брюки и пиджак, стилизованный под френч, и, насколько это было возможно, оглядел себя частями в близком трехстворчатом зеркале, ему показалось, что он вернулся в пору пятнадцатилетней давности… Распрямились плечи, выгнулся стан; голова в забытой грации откинулась назад – даже хрустнули позвонки, заострился подбородок, заиграл парус уже несколько лет спящего кадыка; разгладились морщины, глаза сверкнули свежим сиреневым блеском. Отражения троились, жаркий фонарь над головой творил в стеклах лиловые блики. Невольным движением Жорж отринул от себя мятую шторку. Сейчас он искупается в яростных лучах софитов, в дожде оваций, в восхищенных взглядах поклонниц… Шаг вперед!

– Слишком вычурный фасон!.. – сказала жена после паузы. – Это подошло бы нам в году эдак…

Они сели в автобус и поехали домой, решив отложить покупку на грядущие отпускные дни, в которых, конечно же, будут и супермаркеты и всевозможные ярмарки… Мысль об отпускных изобилиях скрасила усталость и неудачу пла-

нированной покупки.

К деньгам Жорж относился без всякой жадности, но при этом весьма бережно и ответственно. Взять хотя бы привычку периодически, окажись при нем достаточно крупная сумма, незаметными, как ему казалось, движениями, проверять целостность доверенных денег – то руку невзначай опустив в карман, то проведя ладонью по пиджаку, как бы поправляя лацкан. Благодарные к вниманию капиталы неизменно отвечали приятной шершавостью пачки или надежной твердостью кошелька, ощущаемой через мануфактуру.

Ехать пришлось стоя. Воскресенье – день пик, как говорит жена. Автобусная толчея разлучила их на целый метр, благодаря чему Жорж мог любоваться своей половиной как бы на расстоянии, если это можно назвать расстоянием. Сейчас он чувствовал нечто общее, точнее, обоюдное в их настроении, и дело не только в том, что покупка не состоялась. Не только в том, что он такой, оказывается, неуклюжий, что ни один из костюмов, представленных в широком ассортименте, не подошел. Может быть, впервые – он и она – задумались о причине его нескладности? О том, может быть, что эта нескладность, как, впрочем, и любая несуразность, из тех, которые сопутствуют семейной жизни (как без этого?), оказывается, устранима? Что, выходит, внутреннее состояние творит и внешний облик? Что молодость, – разумеется, как они об этом забыли! – была так красива, и что она

отнюдь не кончилась? Что – какие они глупые, если рутина обыденности съедает радости, которые дарит удивление? Что еще не все потеряно?..

И вот в тот затянувшийся момент, когда их взгляды встретились, и они, двое истосковавшихся по радостям людей, надолго задержались друг в друге, когда они стали переговариваться глазами… Когда, наконец, глаза жены засмеялись… В этот самый момент автобус тряхнуло, Жорж неловко присел, раскинув руки крыльями, хватаясь за что попало. Примерно то же самое проделала его жена. Весь салон напомнил коробку с яблоками, которую основательно встряхнули.

Наружное бесцеремонно и, как потом выяснилось, вероломно, вернуло мужа и жену, находившихся в дюйме от открытия, в привычное состояние. Не беда: теперь дорога известна, – торопливо подумал Жорж, привычно проведя ладонью по лацкану пиджака… Но кошелек с отпускными деньгами не отозвался упругостью… Еще раз – тот же результат. Тогда он откровенно запустил руку во внутренний карман. Денег не было. Он лихорадочно зашарил по всем складкам одежды, на сто процентов зная, что совершает никчемные движения, – чудес не бывает. Он панически огляделся, но не заметил ничего необычного в поведении окружающих. Автобус – короб с яблоками – затормозил. Остановка. Наибольшая часть яблок посыпалась из коробки, раскатилась по тротуару, Жорж и жена остались внутри. Хотелось что-нибудь сказать, спросить, но горло не выдавало звука.

Жена еще некоторое время смотрела на растерянное лицо мужа, после чего разочарованно отвернулась; она еще ничего не знала.

О пропаже Жорж рассказал только дома.

– Если бы ты не был таким нескладным, – жена сделала многозначительную паузу; выражение глаз, лица: смесь того, что было после выхода Жоржа из примерочной, плюс то, что было в автобусе, – мы бы не ездили туда-сюда по городу с крупной суммой, и…

2

Жорж не спал всю первую за пропажей кошелька ночь. В этих шестичасовых раздумьях сам факт автобусной оплошности присутствовал подспудно – тяжелым камнем, но все же вторичным, хотя и причинным элементом, вызвавшим печальный диагноз: в Жорже уснул артист, владеющий собой и обстоятельствами. За это окружающий мир, в наказание или в насмешку, сделал из него ходячий атрибут одной из своих бесчисленных трагикомедий.

Но этот вывод был не последним. Жорж понимал, что анализирует не для того, чтобы в результате посыпать голову пеплом, не для того, чтобы окончательно умереть. Это – понимание, которое должно подсказать выход.

Итак, ему нужна цель: она есть, она следует из разумения того, что он – временно! – потерял. Теперь нужен способ достижения этой ясной цели. И он решил, что способ должен

непременно связаться с тем событием, которое повергло его в спасительный, как он надеялся, очищающий стресс.

«Денег не вернуть, но ведь можно изобличить и наказать карманного вора!» – это наивность, которой теперь предстоит стать серьезной отправной идеей.

Далее производное от наивности – заключение прагматичного ума, а значит без слюнявых восклицаний (идея обретает план, модель):

«Причинить возмездие, не сотворив чего-то из ряда вон выходящего, невозможно, иначе человечество давно бы уже искоренило в себе этот, пожалуй, генный порок…»

Итог:

«…А раз так, значит, успешный путь или даже просто добросовестное стремление к промежуточной мишени должно мобилизовать все способности, и тогда, возможно, стать стезей к победе над тем, кем он сейчас является, а точнее – к возвращению в себя».

Осознание высокопарности не работало на разрушение плана. Значит, либо он сошел с ума, либо все то, что задумал, не безнадежно. Очень хотелось верить во второе. И Жорж верил.

Каким будет наказание автобусного щипача, Жорж еще не представлял, но наличие отрицательного героя – мерзкого персонажа всех времен и народов – явно облегчало его будущую сценическую задачу. При этом он прекрасно знал, что сама по себе примитивная антитеза «белое и черное» еще

не залог легкой роли…

…Он как бы вынул из древнего шкафа старый инструмент. Сдул пыль, проверил, – цел. Тронул струны, – требуется настройка. Инструмент тонкий, поэтому настройка продлиться не час, не день, не даже неделю. Ради бога, пусть на это уйдет весь его месячный отпуск. Он не постоит за временем и трудами. Зато придет миг, когда он сыграет свою партию без фальши.

Сейчас прозвонит будильник, и Жорж приступит к настройке.

Этого отпуска ждала вся семья. На юг, к белым теплоходам, к шипенью волн. Но утром Жорж возвестил: ему необходимо остаться. Он сказал это тоном, который сразу лег в русло последних удивлений жены. Раньше о таком повороте не могло быть и речи, но сейчас по всему было ясно, что вопрос решен и происходит лишь констатация этого решения.

– Жоржик, – сказала жена печально, приблизившись вплотную, – не обижайся… за вчерашнее.

– Я не обижаюсь.

Они оба, – он грустно, она виновато, – улыбнулись двойственности сказанного: чему обращены слова? – краже кошелька? выданному женой «диагнозу»?

Жена почти засмеялась, следующая фраза получилась воркующей:

– С тобой происходит… нечто. Да, так верней, – нечто. Хорошо. Но не придется ли потом жалеть?

– Наверное, ты не о том думаешь, – сокрушенно вздохнул Жорж, разведя руками, неуверенно полагая, что сейчас уместно было бы обнять жену, погладить по волосам, поцеловать в висок, как это он часто делал в молодости. А еще, особенно после свадьбы, он часто подхватывал ее, как ребенка, на руки, и, смеющуюся, кружил по комнате, пока не выбивался из сил. И ведь все по-прежнему: она так же хрупка, а он достаточно могуч, чтобы…

– Возможно. – Жена, опередив, сама протянула руку к его щеке и осторожно погладила. – Ты плохо побрился… Только все же я уверена: в любом случае пауза пойдет тебе на пользу. А значит…, – в голосе жены опять прозвучали привычные нотки уверенного, покровительствующего слушателю человека, – а значит и всем нам. – Она указала глазами на детскую комнату, где обитали их дети-погодки – сын и дочь.

Супруга оборачивала дело так, как будто Жоржу относится только идея, но решение принадлежит ей. Делала она это торопливо и неловко, отчего обоим стало несколько неуютно.

Пусть так, подумал Жорж и сказал, что подумал:

– Пусть так. Не обижайся, – Жорж покосился на детскую комнату, – не обижайтесь. – Он вдруг поймал изящную ладонь, которую когда-то сравнивал с крылом жар-птицы, и по-

крыл ее несколькими короткими поцелуями.

– Ну, полно, – хозяйка царственного крыла встала на цыпочки, поцеловала Жоржа в губы и даже свободной рукой погладила по голове, – но детям объяснишь сам.

На этом разговор, по сути, закончился, за что Жорж был благодарен семейной владычице. Раньше подобным вряд ли ограничилось бы, скорее, такого просто не могло быть. В то же время проблескивала первая радость за себя. Получается, как только его поступки стали отражать осознанную уверенность, а не просто капризное и, как правило, бесплодное, упрямство, что за ним прежде водилось, так с ним стали считаться. Что ж, ничего нового в масштабах истории человеческих взаимоотношений.

Семья уехала, Жорж остался один на один со своей идеей. Самая благоприятная дислокация для душевнобольного! – самокритично подумывал Жорж, настраивая инструмент, а если вернее, точа меч.

3

…Первое, что необходимо, это создать в себе соответствующее настроение: войну невозможно выиграть без ненависти к врагу. Ненависти, которая лишает покоя, которая даже во сне диктует цель каждого следующего дня: утоли меня! – и без утоления уже недоступны никакие, даже самые простые жизненные радости. Вперед!

Упругими шагами, резко меняя направления, то вгоняя ладони в карманы брюк, то потирая их друг о друга, то обхватывая ими голову, он хаотично ходил по комнатам, смотрел в зеркала, в которых двигался красивый, мускулистый, решительный человек со смелыми горящими глазами.

Итак, воры всегда были ему омерзительны. Жорж никогда не принимал никаких предположений о воровском благородстве. Он всегда считал, что эта категория людей может быть благородна только в ситуации, когда рыцарство им ничего не стоит. В противном случае они перегрызут горло ради наживы, а заметая следы, не пожалеют ни женщины, ни ребенка, ни старика. Говорят, они жертвуют культовым учреждениям, школам, детским домам, больницам. А как они достигли таких вершин, когда могут быть столь фантастически щедры? Все, чем они показательно добры, – отнято у нормальных людей. В их грязных деньгах – пот, слезы и кровь невинных. Какая подлая суть в этом мнимом благородстве! Просто, выпячивая «жертвенность», бывшие щипачи, домушники, карточные кидалы, – а ныне «законники», «авторитеты» (слова-то какие высокие!), – как бы оправдываются перед миром и перед самими собой за несмываемую грязность.

Однако, развивал Жорж свою обличительный спич, в нынешних произведениях искусства господствуют правила времен упадка нравов, ретушируя грязную суть. В книгах и фильмах – явно или завуалировано – уважение к ворам.

Не мудрено: сейчас они хозяева жизни. В частности, спонсируют издания журналов, книг, кинофильмов, студий, клубов. Как не проявить к ним уважение, даже если в душе презираешь, – а ну-ка попробуй! Останешься неопубликованным, невыразившимся, непризнанным гением! И откуда взяться в нынешних произведениях доброму, вечному? Конечно, какие-то темы «доброго и вечного» затрагиваются, но воров ругать, воров называть ворами – ни в коем случае!..

А ведь прав один из политиков, который воскликнул недавно (Жорж, на первый слух, воспринял ту речь, как проявление одиозности публичного деятеля): надо ворам ставить памятники! – пусть их дети и внуки сгорают от стыда за то, что их папа или дед был вором, жуликом, мразью!

Жорж поймал себя на мысли, что, в раже гневного обличительства, слишком высоко забрался, невольно возвысился к политике, к тому, на что повлиять не может. Нет, увольте, разобраться бы с собой! Надо плясать от собственного, непосредственно пережитого.

Наконец, утомившийся, он повергся в кресло, уронил голову в ладони и замер.

Он снова и снова прокручивал в памяти автобусную ситуацию. Гневная, полуобморочная фантазия лепила свои фрагменты к обрывкам воспоминаний. После многих прокруток сложился клип, из картинок и мыслей, свершившихся и мнимых, в котором развязка давала начало новому, возможно, великому и, возможно, жуткому сюжету…

«…Когда Жорж осознал, что деньги украдены, он вдруг, вопреки панике души, увидел себя со стороны: растерянного, жалкого, озирающегося, шарящего по пустым карманам. Тут же, с бешенным внутренним содроганием, он понял, что за ним сейчас, конечно, наблюдает вор-карманник – гадкое существо, которое его унизило и теперь имеет возможность наслаждаться низостью и бессилием, потому что низость и бессилие человека – и есть показатели состоятельности, успеха этого недочеловека. Чтобы не доставлять оному удовольствие, Жорж перестал озираться, перестал прощупывать складки одежды, перестал обследовать труднодоступное в автобусной толчее пространство под ногами. Он оцепенел, как истукан, остановил взгляд на оконном проеме. Автобус затормозил, люди стали выходить, натыкаясь на истукана, – застывшего от внезапной боли человека, – и что-то ему говоря.

…Человек, окаменевший от беды, от обиды, превращался в Истукана с большой буквы. Истукан ничего не слышал, как, впрочем, и не видел, а лишь чувствовал, представлял того, кто сейчас смотрел на него, поверженного, возможно, только краем своего шакальего глаза, того, кто стал его личным врагом. Да, у Жоржа-Истукана, вместе с новым статусом появился личный враг. Он еще не знал физиономии врага, но этот враг – был! и находился рядом. Этот враг становился виновником всех его потерь: бывшего артиста, эстрад-

ного кумира с богемным обликом, когда-то имевшего много друзей, поклонниц… и всего прочего, что может быть отнесено к богатству человека. Истукан гнал от себя крупицы самокритичности, которые могли бы уличить его в иезуитстве, облегчающем выход из, возможно, безнадежной ситуации, проповедующем бесполезное лечение окончательно запущенной болезни. Истукан решительно упрощал то, что было ранее, и свершившееся минуты назад, сминал свою бывшую осторожность, спрессовывал всю сложность в твердый каучуковый шарик…

…который, далее, уже без участия Истукана, вылепился в упругую кисть гадкой руки, в отвратительные осьминожьи щупальца, змеино вползающие в чужие карманы…

…щупальца, которые обиженный Истукан, должен изловить, поймать, сжать в своей железной ладони (с этого момента ладони у него железные), посмотреть в ненавистные шакальи глаза!..»

Жорж решил, что для выбора наилучшей позиции, в которой ему должно расположиться в бою, необходимо собрать как можно больше информации о карманных ворах. Задача в принципе очень трудная, но он и не будет пытаться проводить сколько-нибудь существенное исследование, потому как не собирается писать диссертации на эту криминологическую тему. Достаточно будет просто освежить в памяти вполне доступную информацию – из всего, что он когда-то

слышал, читал и, возможно, еще узнает в ближайшие дни.

Для начала Жорж пошел в библиотеку и за несколько часов перелопатил все подшивки городских газет, отмечая материалы, где, так или иначе, отражалась криминальная жизнь их небольшого и в целом благополучного города. Он испытал чувство подобное радости, когда вычитал, что, оказывается, в городе растет число карманных краж. Начальник горотдела милиции в интервью, отвечая на конкретный вопрос, когда власти избавят добропорядочных граждан от «этой гнили – карманников» (слова рядовой жительницы), сетовал на то, что бороться с карманными ворами сложно: трудно поймать за руку, трудно найти свидетелей… Советовал жителям «…быть бдительными и не давать повода своей невнимательностью и беспечностью лезть себе в карман». Вот так! Не зевать! – и воров будет меньше. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Что и требовалось доказать. Даже этот, в целом бесполезный с точки зрения информативности, вывод шел в плюс решимости Жоржа.

Он слышал, что милиционеры-оперативники знают карманников в лицо, те здороваются с ними, но… не пойман – не вор.

Затем он пошел в милицию, добился приема начальника уголовного розыска, и сообщил тому, что у него украли кошелек с внушительной суммой и посему он собирается сделать соответствующее письменное заявление. Жорж уже начал играть свою роль: совершенно не ожидая от стражей по-

рядка каких-то положительных результатов в части наказания преступника или возврата денег, он тем не менее живописал свое крайнее возмущение фактом кражи в общественном транспорте, а также подавленность, якобы рожденную существенным подрывом семейного бюджета.

Последовали усталые, примиряющие рассуждения майора о том, что крайне тяжело бороться с карманными ворами, иначе бы мир давно справился с этим злом…

И все-таки Жоржу удалось выведать минимум полезной информации. Милиционер сообщил, что карманные воры, как правило, работают на «своей» территории. И если тот карманник не гастролер, то, в принципе, его можно вычислить при большом желании. Вместе с пострадавшим офицер, на карте, прикинул маршрут, на котором может работать карманных дел мастер, обидевший Жоржа. С большой степенью вероятности просматривался круговой автобусный маршрут, который захватывал довольно большое городское кольцо.

– В принципе, можно сесть и кататься, как на карусели. Но поймите, нам не до игр, мы завалены более серьезными делами, у нас не хватает сотрудников, чтобы заниматься щипачами. Вы можете обнадежиться, а потом разочароваться… Скорее всего, ваши деньги уже давно потрачены или «отмыты». Вы же их не метили? Вообще, что вы хотите? Я не совсем понимаю… Если решили писать заявление – пишите. Будем рассматривать… Заниматься…

И вдруг Жорж вспомнил, как боролись с карманниками его институтские однокурсники, работавшие в оперотрядах и помогавшие милиции. Он тут же поведал об этом собеседнику.

Основой была его величество Провокация, когда один студент прикидывался зазевавшимся простачком, побуждая воришек к действию, а другие ловили щипача за руку. Причем, в случае необходимости, и сама «жертва» могла справиться с воришкой, – к борьбе с карманниками подбирались ребята смелые и неслабые. На суде они выступали не как сотрудники милиции, а как пострадавшие граждане. Кто-нибудь из посвященных осуждал однокашников за эту борьбу, основанную на спланированной провокации? Нет! Даже «законникам» трудно было что-либо внятное противопоставить позиции известного киногероя: «Вор должен сидеть в тюрьме!» Притом, что в конкретном случае отсутствовал киношный контекст, а именно: сомнений в соблюдении презумпции невиновности и всех законных процедур не было – факт воровства имел место, доказан, все следственные и судебные действия соблюдены!

Какое-то время Жорж и начальник «угро» молча смотрели друг на друга. По выражению лица своего визави Жорж понял, что не сказал для того ничего нового. Наконец офицер, медленно, не отводя взгляда от Жоржа, вывернул шею и дунул на майорский погон своего кителя, при этом щелчком сбил с него невидимую пылинку.

Впрочем, на Фемиду Жорж не надеялся, да и не это было конечной целью. Целью был он сам.

4

Жорж забрал с дачи свой старый парик, которому предстояло стать символом будущих перевоплощений. В магазине косметики купил все необходимое для грима, краски для волос, искусственные усы, брови и еще пару париков для разных причесок. Непременным оказалось посещение парикмахерской, – короткая, ровная растительность на голове облегчала дальнейшую работу с париками. Дома сел перед зеркалом. Немного взгрустнул, вспоминая театральную гримерную. Привычно расставил баночки, тюбики, разложил кисточки. Примерил старый парик и… счастливо засмеялся своему отражению; дурачась, дунул в пудреницу, замутив безоблачный лик. Конечно, все проходит… – истина. Но кое-что возвращается.

На следующий день, в «мертвую» паузу, когда работающее население уже покинуло жилище, а зоркие старушки еще не сели на лавочки и беспечная молодежь еще не оккупировала песочницы и беседки, он вышел из своей многоэтажки. Его трудно было бы узнать, но даже своей чуждостью, которая ему вполне удалась, вследствие изменения лица, походки и общей осанки, он не хотел привлекать внимания соседей. К осторожности примешивалась чувство некоторой шутливой неудовлетворенности, оттого, что никому

сейчас не дано оценить его мастерство. Впрочем, до шуток было, по всей видимости, еще далеко, а награда за мастерство все равно сулилась из тайных, недоступных зрителям, запасников.

Двигаясь не по тротуарам, а по дворам, он вышел на остановку, которая находилась за два квартала от его дома, и сел в «свой» автобус. Это был маршрут, на котором он имел честь недавно опростоволосится. Именно здесь, на этом кольце ему теперь предстояло «работать». Сколько продлится его добровольная командировка, неизвестно.

Для начала нужно было увидеть вора, так, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что это вор, и что, следственно, именно этот человек достоин наказания. Какова будет казнь – задача для следующего этапа.

Прием для первого этапа полагался несложным и позволял, по замыслу, увидеть факт воровства. Каждый раз, меняя образ, Жорж менял и манеру своего поведения в автобусе. Например, в темных очках, он садился на первое сиденье и якобы погружался в чтение, можно с шевелением губ, можно с периодическим потиранием переносицы. Журналом, сложенным вчетверо, удобно было часто ворочать, как бы ища нужную долю текста, впопад и невпопад; в это же время совершенно естественными были минимальные движения головы, которые позволяли чиркнуть взглядом по салону, выискивая подозрительное. Базовых, отправных обра-

зов, в которых он творил, сложилось несколько: разные прически, растительность на лице, выражение глаз, осанка и даже рост, – при этом Жорж постоянно импровизировал, насколько позволяла ситуация. Иногда ему попадались знакомые, коллеги по работе, но никогда он не был узнанным, что лишний раз подтверждало мастерство лицедея и вызывало в нем чувство законной гордости. В импровизации совпали мастерский интерес и необходимость: повторение «притворных» образов было недопустимо. Единственные повторы, если их можно назвать таковыми, позволялись, когда Жорж проезжал маршрут тем, кем пребывал на самом деле, что казалось совершенно естественно. Это бывало в выходные дни, когда в толчее маскировка практически не требовалась.

Все время, свободное от целенаправленного набора информации и настроя на грядущие перевоплощения, Жорж старался вспомнить все, что его окружало в злополучный момент пропажи кошелька. (Клип с Истуканом был не в счет: тот придуманный фильм нес совершенно иную, «заводную», нагрузку, и смешивать его с конкретикой не имело никакого смысла.) Воспоминания в большей степени относилось к фигурам и лицам, которые непроизвольно могли запечатлеться в анналах мозга. Кое-что ему удалось.

Не удивительно, что он не помнил конкретных персон, и все воспоминание поначалу сливалось в единое, но неявное, какое-то млечное настроение, расплывчатый образ. Чуть позже, вследствие невероятного напряжения памяти,

образ вызрел и стал настолько ясным, что, казалось, появись сейчас любое лицо из того сонма автобусной толчеи, Жорж непременно узнал бы его. Так оно и случилось. Со временем ему показалась знакомой ворчливая старушка, которая тогда старательно оберегала свою сумку с чем-то бьющимся. Наконец, попался молодой человек, беззаботно жующий резинку, внимательно глядящий в окно, как в телеэкран, и, это нетрудно было заметить, любующийся всеми попадавшими в экран молодыми женщинами. Сухонький пожилой мужчина, уткнувшийся, как и тогда, в книжку появился уже без всякого удивления для Жоржа. Господин средних лет так же грустно поглядывал по сторонам и смешно щурился, как будто глаза его не выносили сколько-нибудь яркого света. Состоялось еще несколько узнаваний. Увы, эти открытия не возымели прикладного результата. Распознанные люди имели настолько невинный вид, что подозревать в каждом из них вора было выше сил Жоржа. Он решил не сосредотачивать более на них внимания, это могло сыграть в минус основной задаче: скорее всего истинный вор не запечатлелся беспечной на тот период жизни памятью.

Попутно, с особой ясностью, с первых же поездок, он увидел, насколько беззаботны люди. Как простодушно – назад – закинуты сумочки, насколько беззащитны карманы пассажиров – разговаривающих, читающих, спящих. Благодатное поле для «карманных пахарей»!

Со временем он уяснил несколько «критических» точек

в маршруте. В основном это были остановки, где входило и выходило наибольшее количество пассажиров. Особенным также было место, где потерпел Жорж, – перед остановкой возле рынка, где всегда было многолюдно. Здесь колеса машины, как правило, падали в глубокую выбоину: за мгновенной невесомостью в автобусе следовал сильный удар снизу, нарушая устойчивость пассажиров, а в довершение, к встряске, резкий наклон вперед размазывал массу людей по салону. В это время твори все, что хочешь, только успевай: главное – скорость (тут он, для качества анализа, становился на сторону карманных воришек).

Случаи воровства бывали, о них в автобусе на следующий день вполголоса разговаривали потерпевшие или их знакомые, или те, кому удалось послушать подобный разговор. Скорее всего, этих случаев было больше, чем удавалось слышать Жоржу: вряд ли все пострадавшие склонны к подобным откровениям. Но и от слышимого закипала ярость: воровство творится ежедневно, практически в открытую. Пока Жоржу не везло.

Уже полторы недели его поездки были бесплодны. Не считать же достижением констатацию всеобщей беспечности и непрерывности процесса карманного воровства, творимого, по всей видимости, ежедневно, если не ежечасно. Ну, еще и открытий типа «критических» точек маршрута, благоприятных для краж.

5

Сегодня суббота, он едет пассажиром «как есть» – без всякого перевоплощения. На этот раз он сидит на одном из задних сидений, смотрит перед собой и лишь боковым зрением наблюдает за тем, что происходит вблизи.

Рядом стоит миловидная светловолосая девушка с книжкой в руках. Короткая, темная плиссированная юбка, белая куртка-ветровка и синее легкое кашне, щеголевато повязанное галстуком, придавали ей вид бой-скаута или молодой морячки.

Будь Жорж помоложе, непременно уступил бы место. Но возраст не тот. Однажды он попал в неприятную ситуацию, когда попытался уступить место молодой женщине… Ах, какими несправедливыми были слова жены в его адрес – правда не сразу, а дома, при «разборе полетов», – заметившей, как вспыхнула та, молодая и симпатичная! Впрочем, сейчас жена далеко… Но эта уж больно юна для его великовозрастной галантности! Хотя где это написано, что у галантности должны быть возрастные барьеры. Впрочем, сейчас действительно не до этого.

Приближалась дорожная выбоина. Сейчас автобус тряхнет. Как только это произойдет, Жорж, как обычно, не в пример обыкновенным пассажирам, не растеряется, не охнет, не закатит глаза к потолку.

Ну, вот, кто-то из стоящих завалился к сидящему на коленки, кто-то запротестовал, девушка отреагировала, как

и полагалось по наскучившему Жоржу сценарию: охнула, присела, схватившись за то, что попало под руку (плечо Жоржа). Вздрогнула куполом плиссированная юбка, вскинулись, распушились медузой волосы, вспорхнули к лицу синие кисти кашне, раскрылись крылышками борта куртки-ветровки, закатились под пушистые ресницы наивные глазки…

…которые, конечно, в отличие от внимательных глаз Жоржа, не увидели, как под ветровку скользнули тонкие длинные пальцы – к груди, к лифчику, к душе… – и выудили из той волнительной, затененной глубины тонкую пачку каких-то бумаг. Жоржу сделалось дурно, его замутило. Сотни раз он представлял, как воровская рука ныряет в чужой карман, и все же действительность оказалась гораздо сильнее его, мнилось, тренированного представления отвратительного акта. Он остановил дыхание, чтобы затаенная тошнота не выявилась открытой рвотой. Инстинктивное желание зажать рот рукой сказалось тем, что непроизвольно надулись щеки и выпучились глаза.

Печальный господин средних лет, который за минуту до этого грустно поглядывал по сторонам и трогательно щурился, теперь, в упор, смотрел совершенно другим взглядом на Жоржа. Да что там другим взглядом! – это было уже другое лицо. Это лицо принадлежало зверю, вампиру, Сверхчеловеку, ясно показывавшему, что он, Сверхчеловек, готов в любую секунду броситься на того червя, уничтожить то

беспозвоночное, которое посмело увидеть его грешок. Впрочем, какой грех! – Сверхчеловек просто добывает себе пищу. Но червям не положено этого видеть, потому что это видение, присутствие при трапезе, оскорбляет Сверхчеловека, портит ему аппетит. Отведи взгляд, молчащая тварь, и уползи в ближайшую щель! Иначе – бритвой по горлу, по носу, по глазам!..

Это было настолько ужасно и страшно, что Жорж отвел взгляд, а когда, устыдившийся своего страха, оскорбленный, вернул его на место, грустный гражданин был привычно печален и трогательно щурился, ни на кого не глядя, и медленно проходил к выходу. Остановка. Девушка виновато хлопала глупыми ресницами, извиняясь таким немым образом за оплошность, вследствие которой пришлось воспользоваться плечом незнакомого человека.

Что он должен сейчас сделать, чтобы потом не чувствовать себя соучастником преступления? Закричать: «Держите вора!»? Полезть по головам, чтобы схватить мазурика, вывернуть его наизнанку? Ведь он гораздо спортивней, наверняка гораздо сильней этого хлипкого воришки. А вдруг при том не окажется только что сворованного: вдруг он передал это подельнику, вдруг он успеет избавиться от того, что сейчас добыл, чтобы не стать уличенным? – все это известные приемы карманников. А вдруг, того хуже, все это воровство показалось, вдруг это плод уже больной фантазии? Впрочем, все эти вопросы, которые кричали в его голове,

были напрасны: состояние прострации было настолько велико, что он не смог бы и пошевелить пальцем. Ему казалось, что трудно даже смотреть на мир, настолько силы оставили его. Еще немного и он впадет в состояние обморока, если это уже не обморок. Наверняка, если бы не его сидячее положение, он бы упал после всего пережитого. Вот, ему показалось, что надолго сомкнулись его веки. Он заставил себя их размежить… Автобус был полупустым. Грустного гражданина в салоне не было.

Девушка, уже сидевшая, как и прежде читала книгу. Неужели ничего не произошло? Жорж был растерян и подавлен. «Работать» сегодня он уже не мог.

Оказывается, страх, замешанный на стыде, – мерзкая смесь! Сначала она лишает сил, а в последствие оправдывает любое малодушие. Идя домой, Жорж молил бога, чтобы все, что произошло, оказалось ужасным сном, минутным видением утомленного навязчивой идеей мозга. При этом понимал, что мольба напрасна.

Он пришел домой и сразу же попытался избавиться от мерзкого ощущения моральной тошноты, пытаясь вызвать тошноту физическую. Но «два пальца в рот» так и не смогли вызвать физической разрядки: только рев и плевки страдающего от внутреннего недуга человека, пытающегося вывернуться наизнанку. Тогда он пошел другим путем. Наливая водку в стакан, он увидел, как ужасно, неправдоподобно трясутся руки. Ему стоило больших трудов

справиться с, казалось, элементарной операцией: влить в себя стакан алкоголя. Совершив это, он повалился на диван.

Утром Жорж понял, что его еще вчерашняя ненависть пострадавшего от вора на самом деле смешная злость ущипнутого щипачем. Цветочки! Настоящая ягода, как оказалась, впереди: Жорж уже более всего ненавидел вора за подлый страх, который, в одно мгновение, тот нашпиговал в него, в свидетеля, сразу же посвящая в трусливые соучастники. Он с содроганием вспоминал, как покорился этому «окрику», «цыку», – плебей, мразь, человечий навоз испугался одного взгляда тщедушного «господина». Возможно, (это, конечно, потом трудно было восстановить), Жорж испугался в меньшей степени (так хотелось думать), но ведь вор понял именно так. Вор, – по определению тайный хищник, – победил и в открытой борьбе.

Это было уже оскорбление смертельного уровня!

Отныне Жорж переставал быть оскорбленным, от обиды превратившимся в Истукана. Он становился оскорбленным мужчиной, а значит его мужская честь диктует ему следующую роль. Он становится мстителем. Это карточный долг, который он должен вернуть шулеру, виртуозу крапленых колод.

Что нужно во-первых. Жорж не долго думал: ответ сидел в нем давно, пожалуй, с тех пор, как его нарекли Жоржиком. В первую очередь нужно вернуть себе имя! Ему необходимо возвратится в Георгия! И тогда он сможет стать Ге-

оргием-победителем, Георгием-Победоносцем. Он должен не только наказать зло, он должен его искоренить! Вот в чем новая суть его продолжающейся игры, которая является сутью его лицедейства, его борьбы!

Уже несколько раз звонила жена. Рассказывала, как отдыхают, где бывают. Постоянно сожалела о том, что Жоржика нет рядом. Задавала вопросы, в которых преобладали ревнивые нотки, скрывать которые от мужа было бесполезно, – они слишком хорошо знали друг друга. Самое неприятное для жены было то, что она не знала предмета своего тайного беспокойства. А уточнить не решалась.

Сегодня вечером Жорж сам набрал гостиничный номер жены и начал с того, зачем позвонил:

– Милая, это Георгий… Здравствуй!

– Здравствуй… – Возникла долгая пауза, оба оказались в замешательстве. – Ты по-прежнему наш? – голос на том конце провода дрогнул, хотя фразе предназначалось быть шутливой, – или… уже… Георгий?

– Я не понимаю, о чем ты! Милые мои, родные, ну что могло измениться! Я просто вспомнил свое имя.

Последние слова Георгий постарался произнести как можно ровнее, но вышло с акцентом.

– Хорошо, Георгий, – тут же покорно отозвалась жена. – Я передаю трубку детям…

Весь день Георгий посвятил планированию способа, которым будет наказан вор. Первую версию, которая пришла на ум, можно было назвать «электрической», соответственно его производственной специальности. Но как таковую осуществить? Приделать на теле батарейку, а от нее – провода в карман?.. Но где взять такую мощную батарею, чтобы она могла причинить существенный вред телу негодяя? Может, шокировать мазурика распространенным сейчас «электрошоком»? Но как приделать на себе этот самый электрошок, чтобы он мог поразить тяглеца в момент, когда тот полезет в карман? Получалось нечто несуразное. Соорудить в брюках какой-нибудь миниатюрный капкан? (Георгий даже посетил охотничий магазин, но там ничего приемлемого не оказалось.) Может, смастерить петлю-самолов, которая мгновенно затянется на запястье татя, как только он?.. Во всех вариантах получалось неубедительно, несимпатично и сложно в техническом отношении. Если бы хоть один из ловушечных вариантов был возможен, то человечество непременно бы им воспользовалось.

В конце концов Жорж решил: будь что будет, но он непременно должен встретится с карманником (с тем, который его оскорбил, или с другим – не суть важно) и любым способом наказать его: поймать за руку, привлечь свидетелей, доставить в милицию… Понимая маловероятность такого варианта, он, тем не менее, гнал от себя эту неуверенность, и все более напитывался решимостью встречи. В конце концов, толь-

ко встреча лицом к лицу с этой мразью разрядит его напряженность, в которой он пребывает уже несколько дней, которая только усиливается день ото дня и не дает покоя.

Наконец смоделировался окончательный вариант, и Георгий принялся оборудовать «ловушку». В ободок правого кармана брюк вшил стальную проволоку (пригодилась старая гитарная струна), теперь карман в любом состоянии «раззявлен», – навязчивое приглашение проведать содержимое. А чтобы лакомность хранимого не вызывала сомнения, внутри было искусстно вложена «кукла» – новое, специально для этого купленное, портмоне (пошловатой, призывной красной расцветки): один уголок приколот булавкой к дну карману, а другой, как рыболовная блесна, соблазнительно маячил пурпурным языком из темного зева.

После того, как все было готово, Георгий облачился в один из своих нарядов, покрутился перед зеркалом, особое внимание уделяя ловушке, и сказал отражению, пытаясь изобразить усталого майора милиции, с которым довелось недавно беседовать:

– Ну, вот, давно бы так. А то ходите по милициям, от дел отвлекаете, или катаетесь порожняком по энному маршруту. А между тем, только на ловца зверь и бежит. Эх, я бы и сам рад в робингуды, да погоны мешают, – Георгий красноречиво дунул на воображаемый погон и сокрушенно вздохнул.

Заканчивалось «безмасочное» появление Георгия в автобусах, потому что началась самая настоящая ловля. На жив-

ца.

6

На следующий день Жорж воплотился в пожилого, согбенного мужчину, беспечно жующего, в панаме, в темных очках. Теперь он должен был ехать исключительно стоя, чтобы карман привлекал как можно больше внимания.

От остановки к остановке набиралось все больше народу. Приближалась «критическая» точка с дорожной выбоиной. Становилось трудно контролировать ситуацию, и Георгий сосредоточился на кармане, покушение на который пропустить было нельзя.

На одной из остановок он все же заметил, как в салон вошла девушка, которая позавчера пострадала от карманника. Сегодня она была бледна, растеряна, подавлена. Знакомое синее кашне теперь перетягивало широкой лентой лоб, а кисти этого бывшего галстука печально лежали на плечах, что придавало облику несколько траурный вид. В еще недавно беспечных, невинных глазах поселилась беда, состарив лицо лет на десять. Прежний макияж только подчеркивал диссонанс невинного возраста и груза внезапных забот, навалившихся на этот шестнадцатый или семнадцатый, в общем-то, еще ангельский год.

«Наверное, так становятся вынужденными монашками: сильнейшая беда усмиряет плоть, опустошают душу…» Георгий понимал, что мысль пришла совершенно не вовремя:

ведь если голова озабочена карманом-ловушкой, воровским капканом, то высоким рассуждениям не избежать хотя бы толики фальши, а то и кощунства. Однако назойливая мысль продолжала развиваться, как будто струясь из карманного зева: «…И неизвестно, когда еще в смиренной, но отнюдь еще не святой душе поселится высокое, и поселиться ли – даже в молитве, в одиночестве, в труде…» Георгий накрыл карман ладонью и сосредоточился на девушке, чувствуя, что сейчас произойдет необычное.

«Монашка» протиснулась к кондукторше. Первые же слова сорвались в плач:

– Госпожа кондуктор! Обратитесь, пожалуйста, к человеку, который, возможно, позавчера похитил у меня документы и деньги! Может быть, он возвратит документы, подкинет их в этом автобусе! Может быть, его сейчас здесь нет, но ведь можно делать объявления на каждой остановке… Я сама готова их произносить, чтобы не отвлекать вас от работы.

Автобусный мир затих, замер. Было слышно, как шумит двигатель, как стонет и скрипит металлическое тело старого салона.

– А если он сейчас здесь, и слышит меня… – Девушка уже просто зарыдала: – Гражданин вор! Я вас очень прошу… Оставьте деньги себе… Но документы! Только документы!..

По салону пошел ропот: «Безобразие… Просто ужас… Да в чем же дело-то?.. Ой, у меня сейчас инфаркт будет!.. Ну, когда же это прекратится!..»

– Я абитуриентка, – обращаясь ко всем, продолжала, девушка, по щекам которой ручьем текли слезы, а она даже не пыталась их утирать, – приехала поступать. Все было там, в свертке, все деньги и документы!.. Без них в институте даже не хотят разговаривать. Когда входила в автобус, все было при мне, а вышла – их не стало! Я не могла их потерять! Что теперь делать?!..

Салонный ропот перешел в гул возмущения, который, на правах хозяйки, решительно прервала кондукторша, всезнающая работница таксопарка, полноватая женщина средних лет, с незамысловатой прической-хвостиком и ярко накрашенными губами. Взобравшись на выступ в районе переднего колеса, она возвестила уверенным голосом трибунного оратора:

– Я вам скажу, девушка! – Все внимание салона перешло на кондукторшу, щеки которой, без того налитые, набрякли, запунцовели и затряслись в сильнейшем волнении. – Я тебе скажу и всем… – Как спикер, она постучала круглым кулачком по никелированной перекладине. – Я скажу свое мнение! Что воры нынче не те. Я давно работаю, много видела. Нет! Не благородные. Шушера! Да-да, шушера! – возвысила она голос, и в паузе прошлась взглядом по головам обилечиваемой паствы, как бы высматривая виновника девической беды. – Раньше подбрасывали документы, например, в почтовые ящики. В любой ящик бросят, – а почтовики потом в милицию отдают. Или сами, жулики, звонили домой жерт-

ве… Так, мол, и так, найдены документы! Как насчет вознаграждения! Действительно, черт с ними, с деньгами, пусть подавится! Зато документы целы. Их же пока восстановишь, не дай бог! А эти, современные!.. Они вам не то, что подбросят, а специально выкинут в мусорный контейнер, еще и посмеются меж собой: мол, ловко, шито-крыто! Или продадут каким-нибудь дельцам, лишнюю копейку на вашем горе наварят.

Кондукторша слезла с выступа и сказала уже спокойнее:

– Просто нужно быть внимательными. Особенно когда заходишь-выходишь: тут только и смотри…

Пассажиры стали озираться, окидывать взглядами друг друга. Георгий от волнения сжался, еще более согнулся, безобразно утрируя созданный им образ, напоминая, наверное, уже горбатого человека, и крепче зажал карман.

Вдруг ораторскую эстафету подхватил невысокий сухонький старичок, стоящий в метре от Георгия, с небольшой, совершенно безволосой головкой на жилистой шее. Голос его был несколько развязен и неприятно скрипуч, при этом громкость, на удивление, давалась ему без всякого напряжения:

– Я сам сидел когда-то!

Все удивленно, а некоторые осуждающе уставились на него.

– Нет-нет, не подумайте, жуликом я не был, по другому делу, по молодому, за драку, за ножик… Так вот, раньше бы-

ли воры – это да! Были «законники», были понятия, была честь, совесть, самолюбие. Да-да, а как бы вы думали? А сейчас карманники – одна петушня опущенная! Да, «гражданин вор», козел ты просто вонючий!.. Понял!

Автобус тряхнуло, салон ухнул, старик свалился на кого-то из сидящих, но быстро встал, озираясь, готовый к бою.

– Это я тебе говорю! – старик гневно сверкал глазами на окружающих: – Подойди, я тебя сейчас тем, что у меня есть, вскрою, молодость вспомню, – он зашарил в пакете. – Или просто задушу! – выкрикивал он в полуобморочном состоянии, подняв над головой костистую руку. – Если он человек, – старик закатил глаза и закружил головой, как будто бы следя за полетом юркой птицы, – он должен подойти сейчас, у всех на глазах, и убить меня, за то, что я его козлом отвеличал! Х-ха!.. Но он не подойдет, педрила позорная! Ббб-бе-е-е!

Старик замолк так же неожиданно, как с минуту до этого начал говорить, и решительно двинулся к выходу, при этом Георгию досталось в бок от острого локтя оратора, когда тот протискивался мимо.

В проеме двери спина старика показалась Георгию настолько беззащитной и уязвимой, что он непроизвольно двинулся следом, втиснувшись между уже закрывавшихся створок.

Старик пошел по тротуару, но потом резко свернул в узкую тенистую аллею, уходящую в небольшой парк.

Некоторое время Георгий бездумно шагал за согбенной и как бы покорной старческой спиной. Только пройдя приличное расстояние, он отдал отчет своим действиям. Оказывается, он идет следом, потому что боится за этого отчаянного, смелого, но уже немощного человека, и готов его защитить. Защитить от того, кто мог увязаться следом… Георгий оглянулся, и не заметил ничего подозрительного. Лишь в середине аллеи, по ходу движения, наблюдалось небольшое оживление: несколько человек, обступив парковую скамейку, что-то сосредоточенно обсуждали. Тонкоголосый блондин спорил с мощным кудрявым парнем, при этом они обменивались какими-то плотными листками бумаги, видимо, лотерейными жетонами. Кто-то отдавал деньги, назывались какие-то цифры, кто-то соглашался, кто-то протестовал. Миловидная девушка отделилась от этой группы и поочередно протянула жетон старику, а затем идущему следом Георгию:

– Господа, сегодня юбилей нашей фирмы, предлагаем вам сыграть в благотворительную игру! Мы жертвуем детским домам! Вам это совершенно ничего не будет стоить!

Старик демонстративно отвернул лицо в другую сторону и только ускорил шаг. Георгий, из уважения чуть замедлив движение, улыбнулся и, покачав отрицательно головой, также прошел мимо.

Скоро они оказались в парке. В полуденный час он пуст. Георгий нагнал старика, окликнул:

– Послушайте!

Старик остановился и затравлено взглянул на Георгия снизу вверх, как маленький зверек, настигнутый гибельным случаем. В глазах, впрочем, не было покорности и страха, – только отчаянная животная решимость.

– Пасешь? – проскрипел старик и зашарил в пакете. – Сейчас! Сейчас-сейчас!…

– Ну, что вы! – Георгий на всякий случай отступил от гневного человека и шутливо поднял руки. – Не пасу, а охраняю!..

– Сними очки! – потребовал старик, не вынимая руки из пакета.

Георгий повиновался.

Старик долго посмотрел в «зеркало души» и вздохнул:

– Ой, думал, что умру… Не боюсь, но здоровья совсем нет, волноваться нельзя. Сядем. Устал.

Они подошли к фонтанному бордюру, присели. Старик закурил. Георгий молчал, совершенно не понимая, о чем можно сейчас говорить. Темная струя, вялым напором выворачиваясь из какой-то абстрактной загогулины в середине бассейна, уютно журчала, звуком напоминая лесной ручей. Старик заговорил:

– Ты знаешь, что меня всегда удивляет? Вроде все из одного теста, а понять воровскую сущность не могу. Вот украл он деньги, может последнее, что у человека было. Ладно. Добыл, значит, хлеб – для себя, для жены, для детей. Пришел домой: жена, уютная такая, женственная, книгу читает или

носочки вяжет; дети, красивые, прямо ангелы, на пианино играют или фильм про высокую любовь смотрят, или сказку про добро. А потом семья, образно говоря, идет на кухню и кушает этот хлеб, сворованный. И хвалит семья своего папу. А мама – уж она-то наверняка знает, откуда этот хлеб, – думает, но вслух, конечно, не говорит: ай да папка, как много своровал, теперь надолго хватит: этому обнову купим, за учебу нашей миленькой дочки заплатим, искусственные зубки вставим!

Георгий пожал плечами: дескать, тоже – не представляю.

– Вон, – старик кивнул в ту сторону, откуда они только что пришли, – лохотронщики! Красивые ребята. На детские дом, дескать, жертвуем! А я их уже сколько наблюдаю. Видел, как люди от них с плачем уходили – обдирают как липок. И в милицию их забирали. А что толку! Отряхнулись и дальше.

Старик встал и пошел прочь. Но все же оглянулся и сказал:

– Наверное, у них, у этой породы, вместо души – вонь клозетная. А тесто то же самое.

Георгий еще долго сидел у фонтана, закрыв глаза, набираясь сил.

Что его горе по сравнению с горем невинной девчушки! Что его изощренность по сравнению со смелостью немощного старика. Что его обиды по сравнению с обидами всего человечества. Роль мстителя мелковата. Он становился ка-

рателем, возмездником – за всех!

Он встал и пошел обратным путем.

В середине аллеи, где ему недавно предлагалась бесплатная лотерея, на той же скамейке, сидели несколько молодых людей. Подойдя ближе, Георгий разглядел, что молодежь ела бутерброды и запивала парящим чаем из термоса. Это те самые юноши и девушки, которые недавно были в центре лотерейной игры: голубоглазый блондин, смеясь, переговаривался с кудрявым здоровяком, а миловидная девушка потчевала двух парней спортивного, простоватого вида, удивительно похожих друг на друга, убеждая их съесть еще по кусочку. Рядом с едой лежала пара сумок, из которых торчали жетоны, листы бумаги в крупную клетку, – видимо, орудия труда, используемые для добычи хлеба насущного.

Какая трогательная, умильная сцена! Наверное, сейчас нет клиентов, а может быть, у лотошников просто обеденный перерыв. Имеют же и они право на отдых!

Георгий прикинул роль каждого из них. Девушка – зазывала, блондин – крупье, кудряш – подставная утка, а эти двое, видимо, – охрана.

– Приятного аппетита! Вкусно? – Жорж присел на скамейку напротив, оказавшись шагах в пяти от пирующих. Те, жуя и пия, покивали в ответ – благодаря таким образом за пожелание и отвечая на гастрономический вопрос.

– Странно, а я думал, такие как вы, не едят обыкновенную пищу.

Девушка удивленно вскинула милые бровки и, до конца не прожевав, спросила:

– В смысле? Какую?

– В смысле: не переваренную! – Георгий снял очки, откинулся на спинку скамейки и залюбовался небом, необычайно красивым в прозорах кленовых крон. Он счастливо улыбнулся, с ясностью осознав, что никого и ничего сейчас не боится.

Неизвестно, как бы отреагировали мошенники, если бы он попытался изобразить в их адрес пренебрежение. Но его непритворное спокойствие подействовало на них своеобразно, наверняка, необычно. Они перестали жевать и просто смотрели на странного господина, изрекшего странную фразу, покорно ожидая разъяснений.

Георгий, не переставая улыбаться, проронил без всякого выражения:

– Я считал, что у паразитов нет желудка.

У девушки невероятно округлились глаза. Губы блондина расплылись в глупейшей улыбке. Двое охранников (вряд ли они и сейчас что-нибудь поняли) вопросительно смотрели на кудрявого, который, по видимости, и был тут главным. Кудрявый медленно поднялся.

Георгий снял панаму, затем парик, каждое по отдельности аккуратно рассовал в карманы куртки. Неспешным движением отклеил усы, затем принялся за брови. Когда последний аксессуар нашел свое место в складках одежды, Геор-

гий пружинисто встал. Ему показалось, что он торжественно, великанно вознесся над всем, что его только что окружало. Ему показалось, что если он сейчас захохочет, то разлетится, взрываясь перьями, это воронье, пирующее на падали, расколются скамейки, повалятся деревья…

Ошеломленные мошенники окаменели настолько, что походили на садово-парковую скульптурную группу, выполненную в аллегорически-бытовом жанре, – силуэты застигнутых врасплох грешников, с испуганными лицами: широко раскрытые глаза и хомяковые щеки, за которыми угадывается непрожеванная пища. Наконец девушка, очнувшись, потянула за рукав кудрявого. Тот покорно сел на место. Девушка подала голос, извиняющийся и жалобный, устремив на Георгия взгляд полный мольбы:

– Пожалуйста, не надо. Мы сейчас уйдем… Уедем совсем!

7

Наконец свершилось!

Георгий уже долго ехал, заняв место ближе к передней двери. В правой руке он держал раскрытую газету, изредка в нее посматривая. Совсем не обязательно было коситься на правый карман брюк, как всегда игравшего роль приманки. Малейшее шевеление «куклы» -портмоне ощущалось воспаленной кожей бедра и тут же отзывалось в мозгу, от которого горячими токами растекалось по всему телу звериная решимость.

…Боковым зрением Георгий заметил грустного господина, вошедшего в заднюю дверь. Трогательно щурясь, господин рассеянно и как бы безотчетно продвигался по салону, не проталкиваясь, а обтекая пассажиров, попадающих на пути. Конечно, не только работа глаз, но и все движения лиходея были осмыслены: нежнейшие полуобьятья, вынужденные при движении в наполненном автобусе, играли роль рептильного сенсора, узнающего добычу. И лишь один человек в этом салоне знал, что хищник идет на капкан.

Чтобы не выдать волнения, Георгий встал спиной к приближающемуся вору, левой рукой взялся за перекладину, правую, вместе с газетой, поднял на уровень груди, изображая увлеченное чтение. Теперь не заметить оттопыренный карман с красным портмоне просто не возможно.

Георгий боялся только одного: чтобы не упасть в обморок раньше, чем вор подойдет к нему: его охотничья решимость соизмерялась с ценностью момента, который он столько ждал и который нельзя было упустить, – и сердце норовило в разнос.

Впрочем, пришла спасительная мысль, что приближалась дорожная впадина – как уже ясно, самое удобное место для мастера автобусных злодеяний. Вряд ли до того момента карманник будет рисковать, значит, есть еще минута, чтобы успокоиться. Георгий еще крепче сжал ладонь на никелированной перекладине, за которую держался, готовясь к удару, физическому и моральному.

Наконец удар состоялся, и как только шевельнулась «кукла», Георгий выпустил газету и натренированным движением, резко вогнал ладонь в карман.

Один палец карманника оказался сжат мертвой хваткой железной длани охотника, но этого было достаточно: мышонок с прищемленным хвостом – уже не разбойник.

…Георгий зафиксировал чужую ладонь у себя в кармане, не давая ей вынырнуть обратно. Для этого не требовалось больших усилий, Георгий был гораздо сильнее того, кто сейчас пыхтел у него под ухом, слабо подергиваясь, явно не желая привлекать внимание публики к своему положению. Свободная рука карманника лишь крепко обхватывала торс человека-капкана, не совершая рискованных движений. Они оба напоминали пару друзей, едущих в автобусе, спина к груди, придерживающих друг друга, и о чем-то вполголоса спорящих. Вот что, оказывается, такое – подковерная борьба.

– Отдай!.. – прошипел вор прямо в лицо Георгию, устрашающе тараща взгляд, которые уже не вызывал никакого страха у того, кто, вывернув шею, ответно, через темные очки, с презрением и ненавистью смотрел в скверные глаза.

– Отдай, – уже не так свирепо, шепотом, потребовал вор, – и тебе тогда ничего не будет.

Георгий хрипло засмеялся: его опять пытаются запугать, – как червя, как навоз… Он одержал победу – в первую очередь над собой, – он стал Георгием. Но не прошло и мину-

ты, как его хотят опять оборотить в Жоржика. Нет, мстить, конечно, он уже не будет: мщение – удел слабых. Но восстановить справедливость, – сейчас, немедленно, – святая его обязанность.

Он дождался, когда автобус затормозил на остановке, и крикнул:

– Господа, у меня в кармане рука вора!

Автобус ахнул, концентрируя внимание на голос, ближние расступились, увидев две руки в одном кармане.

Карманник рванулся, что оказалось бесполезным: Жорж был готов к такому повороту событий. Тогда карманник пустил в ход свободную лапу. Сначала всей пятерней, как клешней, больно ущипнул Георгия за бок, а затем, после короткого размаха, резко вонзил кулак в спину противника, попав в область почки. У Георгия от боли подкосились ноги. Зверь пошел на все, что возможно в его положении, поэтому медлить больше нельзя.

Сейчас Георгий резко вынет воровскую руку из своего кармана, на который уже смотрит пара десятков глаз, вскинет ее вверх, показывая народу, кто ворует его кошельки, затем скрутит преступника и сдаст, с помощью граждан, в милицию. Все это было продумано давно, и сейчас лишь еще раз пронеслось в голове со скоростью света.

Георгий рванул, что было силы, захваченный палец наружу! Но…

…Ладонь вора не вылетела из кармана, как предполага-

лась, а застряла, зацепившись за вшитую стальную струну. Вместе с треском рвущегося шва Георгий услышал, а может, просто почувствовал, щелчок. И тут же нечеловеческий рев возвестил о том, что палец, за который рванул Георгий, сломался.

Георгий выпустил руку, палец которой только что ненамеренно повредил. Безотчетно бросился к открытой двери и, протиснувшись в щель, образованную испуганными пассажирами, вывалился наружу. Упал, больно ударившись коленкой, но тут же вскочил и быстрым шагом ушел в толчею людей возле рынка. Оттуда нырнул в один из дворов, который очень кстати был безлюден, быстро снял парик, усы и очки, бросил в заранее приготовленный пакет, туда же отправилась и куртка. Далее пошел уже спокойно. Он уже был другим человеком, похожим на добротного семьянина, идущего в магазин, помахивающего пакетиком, который очень кстати прикрыл небольшую прореху, по шву, в области кармана.

Георгий хотел уйти как можно дальше, но потом, осененный счастливой догадкой, сделав небольшую петлю, возвратился к остановке, на которой только что сошел. Остановка гудела как улей. Не заметив ничего для себя опасного, подошел ближе. Люди обсуждали случившееся полчаса назад на этом маршруте. В говорливой женщине, находившейся сейчас в центре внимания, Георгий узнал очевидицу происшедшего.

– …Ну, я уже десятый раз рассказываю, он как крикнет: «Отдай кошелек!» А тот убегать. Этот его поймал, скрутил, и давай пальцы ломать! Чтоб, говорит, больше неповадно было! Я тебе инструмент твой, говорит, расстрою! Этот в шоке, лежит, воет, корчится. А того и след простыл. «Скорая» подъехала…

– Правильно! – отозвался тщедушный мужчина в толстых очках. – А то уже почти в открытую тянут. А как с ними еще бороться? – только пальцы отламывать.

Все мнения сводились к тому, что надо отламывать, отрубать, четвертовать, – «как в Арабских Эмиратах» (по версии одного из собеседников).

Выждав немного, Георгий вставил и свои слова, которые, как он предполагал, очень скоро станут доминирующими в городских слухах:

– Я знаю, в чем дело!.. – Публика обернулась к нему. – В наш город, из столицы!.. – Он огляделся и понизил голос: – В наш город из столицы командировано специальное подразделение, которое будет бороться с карманниками. Среди них есть даже женщины. Работают группой, как минимум три человека. Будут повсеместно ломать пальцы.

– Да вы что!

– У меня знакомый чин в милиции, – просто объяснил Георгий, пожимая плечами.

– А как на это смотрит сама милиция?

– Официально, конечно, не поддерживают, вы же пони-

маете, но… Препятствовать не будут! Правда, у наших никто и не спрашивает: прямое подчинение Москве. Местным властям приказано ничего не знать. Только, – Георгий еще раз огляделся, – я надеюсь, вы понимаете, что все это между нами.

Публика успокаивающе закивала.

– Гениально!

– Давно бы так! А то чего не воровать, коли некому унять.

Только одна женщина отреагировала несколько не в унисон общему настроению:

– Что ворам с рук сходит, за то воришек бьют.

Впрочем, это была уже другая тема, развивать которую у Георгия не было никакого желания.

На другой остановке, он озвучил следующую версию, по которой выходило, что ломатели пальцев – группа неформальная, но очень решительная и способная, пользуется негласной поддержкой органов правопорядка. Имеет даже свой устав и название: «Карманные мстители».

Затем Георгий зашел в ближайший двор, подсел к старушкам в беседке. Встрял в разговор и поведал любознательным женщинам о нескольких случаях на городских объектах, где карманникам, при попытке воровства, сломали пальцы. Причем, в одном из таких случаев присутствовал сам покорный слуга слушательниц в качестве случайного свидетеля. По настоянию пожилого люда Георгий торопливо пересказал сюжет, который ему посчастливилось услышать

от очевидицы-фантазерки, и добавил, что все это дело рук маньяка-возмездника по кличке Ломадзе. Кличку он добавил просто так, из куража, когда покидал приятную кампанию.

Вечером Георгий парился в небольшой баньке на окраине города, считавшейся элитной, – он не постоял за ценой, полагая, что сегодня особый случай. Все было на высшем уровне, в том числе сопутствующий неспешной обстоятельному мытью сервис: комнаты отдыха, бар… Впрочем, Георгий, не притязательный в отдыхе, выбрал самые простые напитки – водку и пиво, благодаря «простоте» ему удалось очень быстро отключиться от земной суеты, и время прошло незаметно. Глубоко за полночь его отвез домой услужливый работник бани, проводил до дверей и даже донес прикупленную размякшим клиентом коробку шампанского.

Утром шампанское оказалось очень кстати: день начался с пены и брызг – благородных признаков истинного гусарства. Георгий крутил любимую музыку юности, которая гоняла ностальгическое настроение от вдохновляющего мажора до умиротворяющего минора. Вскоре под одну из таких мелодий он благополучно, расслабленно заснул, но был разбужен назойливым телефонным звонком:

– Георгий! Что с тобой? Я вчера звонила тебе до поздней ночи. Где ты был? В бане? Это ужасно. Что у тебя там за оргия? Еще только полдень, а ты уже подшофе? Ты для этого от нас избавился на целый месяц? Спасибо за отдых, до-

рогой! Куда ты катишься? Что значит «прости за все»? Что значит «прощай»? Нет! – здравствуй! Я тебя никому не собираюсь отдавать! Мы немедленно выезжаем! Да-да, я не хочу больше ничего слушать, сейчас же иду за билетами!

8

Утро после полутора суток забытья выдалось солнечным. А поскольку Управление внутренних дел располагалось недалеко от дома, то Георгий пошел пешком. Чувство, испытанное несколько дней назад, когда он впервые вышел перевоплощенным человеком, сегодня повторилось с обратным знаком: такую эмоцию, вероятно, переживает человек, после неволи вышедший на свободу, – опять прежний он, опять прежний мир. И что, на самом деле может быть прекраснее состояния, когда не надо притворяться.

Выяснилось, что майор, начальник уголовного розыска, к которому приходил Георгий поделиться своей бедой, уже несколько дней как подполковник, и возглавляет все городское Управление. Что ж, в этом для визитера не было ничего плохого.

Георгий был принят на удивление быстро. Правда, для этого ему опять пришлось проявить свои некоторые артистические возможности, чтобы убедить секретаря в том, что отлагательство решения вопроса грозит общегородской безопасности.

С новыми погонами офицер смотрелся гораздо лучше.

В глазах стало меньше грусти, исчезла безнадега.

– Спасибо, вы очень проницательны, – подполковник указал глазами на стул, – а откровенны настолько, будто сдаваться пришли.

– Так оно и есть. Прошу учесть добровольную явку и готовность помогать следствию. А если серьезно, то просто приглашаю к сотрудничеству. Есть кое-какие наработки.

– Весь внимание, – подполковник опять выдал усталый майорский вздох.

Георгий вкратце пересказал суть дела: от разработки сценария до реализации. Особо подчеркнул важность того, что ему удалось распустить слух о «спецгруппе», «Карманных мстителях» и маньяке «Ломадзе».

– Возможно, вашему отделу это пригодится в плане профилактики. По-моему, грех такое не использовать.

Подполковник молчал, смешно выпятив нижнюю губу так, что она закрывала верхнюю, поигрывал карандашом и блуждал ничего не выражающим взглядом по всему кабинету. Георгий продолжил:

– Я надеюсь, мне зачтется то, что травму я нанес непреднамеренно. Так сказать, в пределах необходимой обороны. Есть свидетели, их не трудно будет отыскать. А то, что скрылся с места происшествия… Аффект!

– И часто у вас бывают… гм-м!.. – аффекты?

– Признаюсь, уже месяц я нахожусь в различных формах аффекта, – поведал Георгий доверительно. – Сейчас, воз-

можно, последняя стадия: ничего не боюсь, разговариваю, как видите, смело, хоть и, наверное, виноват; на ваш взгляд – нагло. Сам сую голову в гильотину. Впрочем, я не врач… Но, употребляя мой профессиональный жаргон, – явно, что какая-то фаза на нуле. Никаких раскаяний и сомнений! Странно! Если честно, то я хочу, чтобы вы либо развеяли весь мой победительный пафос, либо…

Георгий умолк и глубоко вздохнул, переводя дух.

Подполковник поднял телефонную трубку:

– Сержант! Принеси нам… – он вопросительно глянул на Георгия: «Кофе, чай?..», – чайку! – Откинулся на кресле и забил подушечками пальцев обеих рук чечетку на полированной столешнице. Пальцы выдавали то барабанную дробь, то копытный галоп, то переходили в беспорядочный бег толпы. Это продолжалось до тех пор, пока девушка в форме не принесла поднос с двумя стаканами чая в мельхиоровых подстаканниках.

– Угощайтесь! – Подполковник кивнул на яства, и сам стал сосредоточенно готовиться к поглощению напитка: погрузив в стакан пару кусочков сахара, помешал ложечкой в одну сторону, затем в другую. Чуть подумав, добавил еще кусочек, повторив роторные движения. Наконец сделал первый глоток и блаженно улыбнулся.

– Кто вы по специальности? Откуда ваш жаргон? – Подполковник откинулся на спинку кресла, видимо эта поза ему очень нравилась.

– Я энергетик. – Георгий решил, что «художественная» часть их беседы окончилась, и пришла пора коротко и понятно отвечать на вопросы. Он поставил на стол недопитый стакан и даже несколько от него отстранился.

– О! – улыбнувшись, воскликнул подполковник, махнув рукой на Георгия. – Постойте!.. Как любит говорить один мой знакомый, к месту и не к месту: у меня есть аналогичный случай! Вот. Однажды в очень раннем детстве, я залез на батарею отопления и засунул кусочек проволоки в розетку, – все, наверное, так делали. Так меня, знаете, как тряхнуло! – будто ветром сдуло! На пол! Как не убило, не знаю. Прибежал к родителям, кричу: «Ветер!» Они: где ветер, какой ветер? Конечно, разобрались, в чем дело, и весь день меж собой разговаривали об электричестве. Потом перешли на грозу, на шаровые молнии… Я хоть и маленький, но на усик наматывал… А вечером пошел дождь, загремел гром… Суть в том, что электрическое потрясение и вообще впечатления от того вечера сформировали во мне такую блажь-фантазию: когда-нибудь в комнату, где я буду находится, обязательно влетит шаровая молния. Вот. Бесполезное, по сути, явление… Но мне этого очень хочется! – Подполковник бодро улыбнулся и повертел в руках пустой стакан: – Пока не везет!.. А очень жду! При том, признаюсь, есть все же небольшой страшок: а как себя нужно будет вести, если она прилетит?.. Двигаться нельзя. Замереть – тоже не гарантия от неприятностей… Разве что… – подуть?..

Еще чайку? Впрочем, – подполковник глянул на часы, – скоро у меня прием по личным вопросам. – Он поднял трубку: – Сержант, посетители есть? О!.. – лицо стало озабоченным, – мест не хватает?.. Конечно, приглашайте… Через минуту. – Подполковник, не в стиле всего предыдущего поведения, резко бросил трубку на место и глянул на Георгия и извинительно развел руками: – Служба!..

Обратный путь Георгий решил проделать на автобусе: было интересно посмотреть на плоды своего труда, если они имелись. Все, что ему довелось увидеть и услышать, порадовало. Пассажиры автобуса активно переговаривались, что раньше для полусонного города было несвойственно:

«Нужно просто внимательно смотреть. В оба!» «Не только на себя, но и на соседа!» «Если что подозрительное или просто странное – не стесняться, спрашивать, делать замечания». «И не бояться воров, пусть они нас бояться!» «Это же первые трусы! – все тайком!» «Я думаю, что теперь опасаться нечего: в автобусе всегда кто-нибудь из мстительной группы едет, хотя бы один». «Да бросьте, он всего-то один: маньяк по фамилии Обломов! Но везде успевает!» «Это вы, женщина, с чем-то другим спутали». «Да я и сам кому хочешь рога пообломаю, пусть только сунется!»

Послезавтра с юга возвращается семья. Завтрашний, последний «холостяцкий», свободный день Георгий жертвенно решил посвятить тому делу, на который потратил весь отпускной месяц. В принципе перелом в битве наступил, вот-

вот противник дрогнет и побежит (как только в бой вступят основные силы), но последний залп с его скромной позиции не будет лишним. Сейчас он думал не о себе: с собой уже все в порядке.

Он выверил путь отступления: здесь, на краю рынка несколько складских построек, построенных беспорядком в разное время. Сюда он отбежит после «операции», затеряется, как и в прошлом случае, быстро переоблачиться в реальный образ, выйдет в люди в удобном для него месте.

В полдень, когда торговля шла особенно бойко, на окраине рынка, в центре одной из групп покупателей раздался страшный крик:

– А-а-а!..

Толпа отхлынула от места, где раздался душераздирающий вопль, и увидела скрюченного человека, судорожно сжимающего одной рукой запястье другой руки. Человек стонал, видимо, от нестерпимой боли.

– Что с вами?!..

– Палец!.. – простонал человек. – Он сломал мне палец! – Бессильно указал в центр рыночной площади: – И убежал туда!..

Последовал странный групповой выдох, будто толпу, как единый организм, поразила невероятная догадка: «Вор!..»

– Да это же карманник!..

– Бейте его!

– Бейте!..

Человек в центре круга перестал стонать и замер, видимо, не понимая, кого собираются бить. А когда понял, то попятился к тому месту в круге, где образовался спасительный просвет.

Но замешательство толпы было лишь минутным. Как только раненый человек повернулся, чтобы ретироваться, он тут же получил удар кулаком по лицу, по спине ударили чем-то тяжким. Но человек устоял. Это его спасло. Ему удалось вырваться из круга и побежать в сторону складов. Толпа кометой ринулась за ним. Какие-то предметы, в том числе камни летели в сторону убегавшего, некоторые достигали цели и отскакивали от спины. Когда он пробегал мимо последних рядов, за которыми начиналась спасительная череда строений, один из лавочников ловко запустил в него башмак, который угодил в голову. Наконец, удовлетворенная толпа отстала, улюлюкая вслед…

Жена, намеревавшаяся у поезда обнять Георгия, вдруг отпрянула, увидев на его лице грим (но это было еще не все!), под которым, – о, ужас! – просматривался подглазный синяк и свежая ссадина во всю щеку.

В жене заклокотали слезы, которые не давали ей говорить всю дорогу до дома. Выручали дети, которые щебетали, рассказывая о южноморских впечатлениях. И все же она взяла себя в руки, – переступив порог квартиры, твердо заговори-

ла:

– Георгий. Твое лживое поведение. Бани. Оргии. Странные прощания. Георгий. Только не лги. Я все пойму. Ты еще мой?

Загоревшая, посвежевшая телом, но осунувшаяся лицом, с трогательными тенями под глазами, она была необычайно мила. Впрочем, это сейчас не имело особого значения. Георгий и без этого подхватил бы ее на руки и закружил по комнате, хаотично покрывая милое тело поцелуями…

…Мгновение, и жена пушинкой взлетела вверх!

…Короткий вскрик, и они оба рухнули на пол.

Георгий лежит ниц, неуклюже прижимая вывернутую руку к спине и постанывая.

Жена решительно задирает ему рубашку к лопаткам, и теперь ее очередь вскрикнуть: вся спина мужа похожа на кусок маскхалата с синими пятнистыми узорами, причем в одном месте явно поработали пальцы.

Несчастная женщина легла рядом с любимым мужчиной и горько заплакала.

Пол ночи, не боясь разбудить детей, мертвецки спящих с дороги, при свете торшеров, ночников и бра, которые горели во всех комнатах, как торжественные канделябры, Георгий в движениях и лицах, потрясая перед собой старым париком, ведал жене историю, условно нареченную им «Историей возвращения в себя».

Закончив, обессиленный, он сел прямо на пол, у ног сидящей в кресле грустной пассии. Спросил, заглядывая ей снизу в глаза:

– Почему ты молчишь?

Она странно посмотрела на него:

– А молчу я по следующей причине, милый. Поверить в то, что ты рассказал, – можно оказаться в твоих глазах идиоткой, чего мне совсем не хотелось бы. Молчи, – она притронулась ладонью к его губам. – Не поверить, – значит между нами все кончено. Молчи. Вот тебе мой вердикт: пусть то, что здесь было без меня, окажется за чертой, от которой начинается, – условно, конечно, – другая жизнь. Я принимаю тебя за ней, какой ты есть.

Георгий усмехнулся:

– Подуть на шаровую молнию…

Жена устало и несколько жалобно:

– Я начинаю привыкать к твоим странностям.

– Получается, что я зря все это тебе рассказывал.

– Ну что ты! Как раз наоборот. Я в полной мере убедилась, что передо мной мой прежний Георгий, артист, мужчина…

– …с богемным обликом!..

– О, да!.. Которого я теперь буду ревновать всю жизнь!

– Можно подумать, что до этого было иначе.

– Было. Иначе.

На следующий день в местной газете вышла статья под названием «Очередной облом», где подробно описывался вчерашний случай на городском рынке. Выходило, что карманник с поврежденным пальцем, спасаясь от гнева граждан, просил у них прощения и клялся впредь не заниматься противоправной деятельностью. В конце концов, ему, как и «карманному мстителю», удалось скрыться. Приводились цитаты из показаний очевидцев, которые противоречиво описывали приметы «маньяка», наказавшего очередного жулика. Одна женщина показала, что именно к ней в сумочку лез тот подонок, и, кажется, из сумочки исчезло несколько крупных купюр. Впрочем, жертвенно заключала пострадавшая, пусть они (купюры неопределенного достоинства) пойдут на пользу городу.

Жена, прочитав газету, осторожно погладила Георгия по спине:

– Там упущены такие подробности… Зато какие прибавлены! Ну и народ, эти журналисты. Скоро идем покупать тебе костюм. Тот самый, который тебе очень понравился. Ты не возражаешь? Причем, пойдем всей семьей, чтобы дети были свидетелями и участниками. Мне кажется, что в твоей новой арии не хватает всего-навсего этого аккорда. – Она осторожным касанием поцеловала его в подбородок: – Только загримируйся…

Зашевелились городские правозащитники. В воскресенье

они выставили жиденький пикет на одной из парковых аллей, где ранее, кстати, промышляли гастролеры-лохотронщики. Несколько бородатых мужчин держали транспарант «Самосуду – НЕТ!», а пожилая сухонькая женщина с седыми, мелко завитыми волосами, ходила рядом, с планшетом и мегафоном, и, приставая к прохожим, пыталась собирать подписи. Пикет продержался недолго, ввиду некоторых причин, о которых местная пресса умолчала. Правозащитники через областное издание обвинили городских журналистов в необъективности и потворстве хулиганам, притесняющим мирные демонстрации. В город нагрянули телевизионщики.

Правозащитники настаивали на проведении «Круглого стола». С ними в принципе согласились, но при условии, если инициаторы обеспечат присутствие на «столе» хотя бы одного карманника, желательно незаконно потерпевшего. Правозащитники с задачей не справились (назвав требование иезуитским), и решено было ограничиться открытым теле-интервью с начальником городского Управления внутренних дел.

Георгий порадовался за своего знакомого: на экране офицер выглядел еще более спокойным и жизнерадостным, что, видимо, должно было дарить гражданам города уверенность в завтрашнем дне. На вопросы подполковник отвечал убежденно, доверительным тоном, красиво жестикулируя. Интеллигентность нового начальника милиции нравилась горожа-

нам, особенно в контрасте с прежним руководителем, имевшего имидж солдафона. Стакан чая в подстаканнике (звякающая парочка возле чуткого микрофона), из которого он отхлебывал, прежде чем ответить на вопрос, создавал атмосферу домашности и уюта. Открытый юмор иногда переходил в едва уловимый сарказм, что, несомненно, нравилось присутствующей в студии основной массе зрителей, среди которых были и угрюмые правозащитники.

«…Да, «карманные мстители», «ломадзы», «обломовы», как бы их не называть, вершат самосуд. То есть, борясь со злом, совершают правонарушение. И мы, как органы правопорядка, должны этому противодействовать. Вы убеждаете меня, что я должен обратится к «мстителям», чтобы они остановились… Но почему вы не говорите мне, чтобы с аналогичным призывом я обратился к карманникам? К домушникам? К грабителям?

Смею вас несколько ослушаться, и обращаюсь ко всей! – ко всей преступной братии, но в обратной последовательности: бросьте свои противозаконные дела, – и конечности ваши будут целы! В том числе это относится и к «обломовым», конечно, – успокойтесь, господа правозащитники.

…Я уже говорил, что бороться с карманными ворами трудно: нужно поймать за руку, свидетели… Но еще труднее противоборствовать действующей, возможно, в городе нелегальной группе «анти-карманников» (ни о каком спецподразделении речи быть не может, что вы!) Для задержания

«анти», поведаю я вам, необходимо соорудить очень сложную цепочку: «человек-капкан» – «воро-имитатор» – «ломатель пальцев» – наши сотрудники. То есть, один оперативник изображает «раззяву», у которой наш же сотрудник якобы намеревается что-то выудить из кармана; на «воро-имитатора» нападает истинный «ломадзе», чтобы совершить членовредительство (что фиксируется независимыми свидетелями!), которого ловят с поличным следующие наши коллеги… Чувствую, что я запутал вас и утомил только перечислением звеньев этой цепи, а каково в реальности? Позволю себе лишний глоток…

…Но я думаю, что нам не придется экспериментировать в изысках работы «угро». И вот почему. Сообщаю вам, что оперативная обстановка в этой сфере в последнее время существенно изменилась. Во-первых, по агентурным данным, число карманных воров, действовавших в городе, сократилось почти вдвое. Причина – наш населенный пункт объезжают стороной так называемые гастролеры. Дурная слава, что поделаешь, – каюсь перед правозащитниками. Это первое. Второе: многие наши доморощенные щипачи легли на дно, иные меняют квалификацию. Что ж, уворовавшись, не скоро остановишься. Но спокойной жизни я им не гарантирую ни на одном из противоправных поприщ. Кстати, один, по моим сведениям «завязал» окончательно. Словом, «карманная стая» деморализована, и мы этим пользуемся, – опять вынужден сделать извинительный реверанс в сторо-

ну правозащитников, – кратно усиливая работу в этом направлении, где большим плюсом является возросшая бдительность и активность наших граждан. И я обещаю, что как только мы покончим с карманниками, так примемся за «карманных мстителей», беря их с поличным!.. Ха-ха-ха… Я рад, что поднял вам настроение. Всего доброго, спасибо!»

Последнюю фразу подполковник сказал, повернувшись к телеобъективу, как к живому лицу.

10

…Прочь, мятая шторка, и – шаг вперед. Сейчас Георгий искупается в яростных лучах софитов, в дожде оваций, в восхищенных взглядах поклонниц!..

Магазинная принцесса опередила жену, смятенно восхищенную завершенным образом мужа:

– Очень идет. Вы в нем ужасно эротичны!.. И…

– Мы берем, – остановила ее жена.

– Мама, – спросила дочка обратной дорогой, – а что имела в виду продавец, говоря про папу, что он ужасно… мм-м…

Жена покосилась на Георгия, счастливо несущего сверток с покупкой, у которого от хорошего настроения, казалось, даже синяк под глазом смеялся, беспечно проявляясь сквозь грим:

– Этой девушке уместнее бы своему мужу говорить такое… А что касается нашего папы… Даже посторонние ви-

дят, что он прирожденный селадон.

– А что такое селадон?

– Так… Очень приятный человек. Целеустремленный и находчивый.

ГАВРОШ И ВОЛК

Сейчас уже трудно вспомнить все ощущения нашей встречи доподлинно. Виновата не память. Просто на те воспоминания, достаточно подробные, накладываются все поздние рассуждения и выводы, опыт прожитых с тех пор лет. И, признаться, свежесть воспоминаний мне сейчас совсем не важна…

До нашей с тобой встречи я бродяжничал уже два года. Зимовал в Москве, весну и осень старался провести ближе к Кавказу, зато лето мог путешествовать сколько и куда угодно: от Смоленска до Владивостока и от Черного моря до Карского. Правда, далеко на восток и север я не добирался.

Иногда двигался автостопом, но это возможно, когда есть нормальная одежда. Чаще всего выручала железная дорога: когда проводница пожалеет, позволит несколько станций проехать в пассажирском, а когда и в товарном вагоне – тоже не страшно, хоть и не всегда тепло и чисто.

Приехать на новое место, конечно, не сложно. Основной вопрос – как выжить? Попрошайничеством никогда не занимался, гордость не позволяла. В основном, тут же, на вокзале, подряжался продавать что-нибудь на стоянках: книги, журналы, напитки – все, что доверяли оптовики. Оптовиков не обманывал, с товаром и выручкой не убегал, хотя можно было это сделать очень просто: уехал – ищи-свищи! По кар-

манам тоже не шарил, без этого на хлеб хватало. Старался, чтобы оставалось и на развлечения, на утоление моей любознательности. Любознательный был!.. Это еще в детдоме замечали, где я учился очень даже неплохо. Ходил в зоопарки, в кино, на футбол и даже в музеи.

Когда в одном городе надоедало, перебирался в следующий, иногда буквально на следующую станцию, а иной раз – в другую область. Перед окончанием гастроли и началом новой дороги старался приодеться. Для этого предыдущий день посвящал поиску ситуации, где можно прижать в углу какого-нибудь лоха-ровесника, маменькиного сыночка. В принципе, это было несложно. Добропорядочные подростки часто гуляют одни – в парках, возле вокзалов. Иногда достаточно просто встретить такого беспечного в укромном месте, а чаще – прежде необходимо войти в доверие, заманить в нужное место. Это целое искусство. Моя былая цель – поменяться с таковым одеждой и тут же сматывать удочки. Задержка после ограбления смерти подобна.

Вот в такой день мы с тобой и встретились.

Прямо на вокзале я познакомился с одним доверчивым пацаном. Пришлось с ним немного повозиться. Погулять, поболтать… На такие случаи у меня было несколько беспроигрышных историй, которые я искусно вешал на доверчивые уши. Пацан попался серьезный, как тогда говорили, «ботаник», в очках, поэтому хохмы не проходили, пришлось изощряться в умных речах. Он снисходительно и как-

то покровительственно улыбался моим выкладкам. Это меня внутренне злило и воодушевляло на грядущее действо.

Мы прогуливались по вокзалу, потом ушли дальше вдоль путей, я завел его в подворотню, где нас не могли видеть. Здесь, не долго думая, я снял с него очки и положил себе в карман. Он улыбнулся, подумал: такая шутка. В это время я врезал ему в солнечное сплетение. Он охнул и, прижав к телу руки, согнулся. Помню, лицо было смешное: красное, глаза выпучены от боли и удивления. Куда делись покровительственность и снисходительность! Самое время ударить по этому удивлению, явно, наотмашь, чтобы все встало на свои места. Я ударил. Так, чтобы без крови (мне нужна чистая одежда), но с небольшим сотрясением мозга. Сделал небольшой нокдаун. Он не устоял и рухнул на землю. Потом сел, подтянул к себе ноги, спрятал в коленках голову и накрыл ее ладошками.

Шевелись, говорю, не для этого сюда пришли. Он спрашивает, бурчит: а что делать? – а бдо бебать? Раздевайся, объясняю, одеждой будем меняться. Он стал расстегивать пуговицы, напрягая близорукие глаза. Заметно было, что он совсем не видит без очков.

В этот момент кто-то взял меня за руку. Еще не видя того, кто меня схватил, я рванулся в сторону, но понял, что бесполезно, меня держали железной хваткой. Я повернул голову. На меня смотрел коротко стриженный молодой мужчина с уверенным взглядом. Я понял, что попался. Теперь мне

грозил не только приемник-распределитель (в подобных заведениях я чувствовал себя как в гостинице), а что-то поинтересней. Камера предварительного заключения, например, а потом спецшкола.

В ногах у тебя стоял черный портфель-«дипломат», который усиливал мои страхи: меня поймало какое-то официальное лицо, возможно, из милиции, из инспекции по делам несовершеннолетних. Я тяжело дышал и с ненавистью смотрел тебе в глаза. Свободной рукой ты полез мне в карман, вынул оттуда очки и кинул их к ногам пацана.

Затем ты приложил палец к своим губам, как будто для тебя главным было не освобождение пацана от грабителя, а уйти от него вместе со мной незамеченным.

Ты взял свой «дипломат» и потянул меня за собой. Я подчинился, только оглянулся, уходя. Пацан продолжал, хныча, сдирать с себя одежду…

Мне тогда не было жалко тех, с кем приходилось меняться одеждой. Бил я не ради удовольствия, а для дела, чтобы без лишних разговоров, для скорости и понятия. К тому же, мне казалось, что я вершу некоторую справедливость, которую упустила из виду природа. Ощущение правильности усиливало сознание того, что беру я у богатеньких только самую малость, хотя, наверное, имею право на большее и, в принципе, имею не только право, но и возможность. «Все впереди! – шутили более взрослые товарищи по бродяжьей жизни. – Будешь брать и больше, как только во вкус войдешь».

Мы шли с тобой как два друга или даже братья: старший держал младшего за запястье и вел куда надо. Вышли на перрон и скоро достигли небольшого, хорошо известного мне, здания линейного отделения милиции. Оправдывались мои худшие опасения.

Но ты не повел меня внутрь здания, а присел сам и посадил меня на длинную отполированную скамейку, стоявшую рядом с доской объявлений, на которой были наклеены какие-то листки с инструкциями и правилами, а также фотографии и фото-роботы тех, кого разыскивает милиция.

До сих пор не могу понять, зачем ты повел меня именно туда, ведь дальнейшие события вполне могли развиваться с другого, не такого одиозного, места. Может быть, для большего контраста: сначала нужно было напугать меня как можно сильнее, а потом приотпустить – из огня в холод, чтобы я проникся к тебе еще большей благодарностью, большим удивлением?..

Ты сказал каким-то странным, вызывающим доверие голосом (при этом лицо твое стало усталым и немного жалобным), скорее, попросил: не убегай! И отпустил мою руку.

Я тут же отъехал по гладкой поверхности на противоположный конец скамейки, но не побежал, остался сидеть. Теперь я был в безопасности: на любое посягающее движение мог ответить резким прыжком в сторону – и тогда быстроногого бродяжку, знающего толк в погонях, уже никому не догнать. Сдерживало меня какое-то необычное лю-

бопытство, порождаемое твоим странным поведением. К тому же, в принципе, спешить мне было некуда, передислокация в другой город переносилась на другой день, потому как сегодняшний начался неудачно. (Сказывалась суеверность путешественника, к которым я себя вполне справедливо относил). Правда, нельзя было не учитывать того, что маменькин сынок, слегка пострадавший от хулигана, вскоре мог привести на вокзал своих разгневанных родителей… Но в любом случае я сумел бы сделать ноги.

Все это мне начинало нравиться. Стало интересно, что же ты будешь делать дальше? Ситуация сулила развлечение необременительного характера, на что была не очень богата жизнь «путешественника». Я с веселым ожиданием смотрел на тебя.

Ты был худ, но крепок. Стриженая голова на длинной мускулистой шее с выступающим кадыком и нос с горбинкой делали тебя похожим на какую-то хищную птицу, особенно когда ты отворачивал лицо от меня, как будто высматривая попутную добычу. По опыту общения с себе подобными, где быстро обучаешься подмечать все мелочи и прогнозировать то, что может произойти через час, минуту, по этому, зачастую не очень сладкому, опыту я знал, что люди с твоим экстерьером способны на многое. В частности, долговременное благодушие или равнодушие у них могут вдруг смениться на резкие реакции, порой взрывные, и тогда может не поздоровиться тому, кто вывел такого из равновесия.

Конечно, с тобой предстояло быть осторожным. Но этого мне не занимать. Я всегда осторожен, так мне тогда казалось.

Ты спросил:

«Мороженное будешь?» – и вымученно оскалился, обнажив редкие нездоровые зубы.

Я кивнул.

Ты встал. Казалось, подумал: оставить «дипломат» на скамейке или забрать с собой? Забрал с собой. Пошел, оглянулся: я сейчас. Ушел за угол и очень быстро появился оттуда с двумя стаканчиками в одной ладони и с напряженным взглядом: на месте ли я? Как только убедился, что на месте, тут же напустил на себя маску равнодушия, походка сделалась вразвалочку. Протянул мне стаканчик, уселся рядом, все больше демонстрируя, что уже не посягаешь на мою свободу.

Ели молча. Смотрели на перрон, участок которого расположился по фронту. Получалось, что если куда и смотреть, то только на перрон. На котором обычная для провинциального вокзала картина: подъезжает поезд, люди выходят и заходят. Мимо вагонов снуют продавцы с нехитрой снедью и изделиями мастеров, характерными для этой местности, где-то, бывает, пассажирам навязывают пуховые платки, где-то творения из стекла или что-нибудь в подобном роде.

Парочка попрошаек, мальчик и девочка, что-то клянчили жалобно, задрав головки к окну поезда. Им кинули яблоко, которое, подпрыгнув, угодило под стоявший вагон. Мальчик

прыгнул вслед, прямо под колеса, и вскоре нам, двум зрителям, предстало его счастливое улыбающееся лицо: откусил от плода и остальное подарил девочке.

Я знал эту парочку – брата и сестру из местных жителей. Еще они промышляли на кладбище: собирали с могилок печенье и конфеты. В нашей среде их называли интеллигентами и уважали – за совершенную беззлобность, за то, что никому не мешали, а может, еще за что-то, которое трудно объяснить словами. Девчонка мне просто нравилась.

Признаться, в тогдашних моих детских мечтах обязательно присутствовала примерно такая девочка, несправедливо обиженная судьбой. Которую я, естественно, любил и которой был надежной защитой, совершая подвиги и даря нам обоим новую счастливую судьбу. С возрастом постоянный атрибут детских грез приобрел почти законченный образ, с чертами той малолетней голубоглазой попрошайки, непохожей на других подобных девчонок из реальности – в стареньком, но чистом платьице, со всегда аккуратно заплетенными светлыми косичками.

Мимо нас проходили люди. Иногда это были работники милиции, которые входили и выходили в дверь с вывеской «Линейное отделение милиции». В народе говорят: ЛОМ. А работников, соответственно, называют ломовиками.

Рядом с входом в ЛОМ стояла доска объявлений, на которой большую часть занимали изображения разыскиваемых нарушителей закона и подозреваемых в преступлениях. Все

изображения являлись результатом многократных перекопирований, поэтому были контрастны и похожи друг на друга.

С огрызком мороженого ты подошел к доске объявлений и, недолго посмотрев, воскликнул:

«Смотри, вылитый я! Только лохматый. Ничего, когда обрасту, буду такой же…»

Ты настолько развеселился, что даже остановил строгую пожилую женщину в синей униформе с милицейскими погонами, вышедшую из ЛОМа: посмотрите, гражданка тетенька, вылитый я, правда?

Женщина, видимо, поняв, что два человека, трапезничающие рядом одинаковым мороженым, не иначе как отец и сын, приструнила тебя. Если бы женщина была обыкновенной гражданкой, то, вероятно, просто посмотрела бы на тебя осуждающе, но она была работником милиции, при исполнении, поэтому приструнила: не стыдно ли перед ребенком паясничать, так глупо шутить? И – мимо. А ты ей в спину, не унимаясь: да вы гляньте хотя бы – и ткнул пальцем в фотографию (это уже для меня).

Клоун, подумал я, доедая «огрызок».

Вообще-то я знал ту фотографию, крайнюю слева. В области появился очередной маньяк. Специализировался на мальчиках: душил и подвешивал на деревьях. Местная пацанва, после того как прошла первая информация, побаивалась, но потом страхи улеглись. Тем более что в этом го-

роде никаких страшных историй не случалось.

Ты показывал свою осведомленность: говорят, активность маньяков в этом регионе объясняется наличием геологических разломов огромной площади, радона в воде, высоким излучением от терриконов… Говорят, эта нелюдь с «доски почета» (твое определение) занимается только с такими, как я (ты погладил меня по головке, клоун). А таких, с которым я только что пытался поменяться одеждой, – никогда!

«Несправедливо!» – воскликнул я, тоном показывая, что шучу (на самом деле не шутил).

«О! – ты поднял палец кверху: – Молодец, Гаврош!»

Я, по-твоему, оказался интересным собеседником, и тебе со мной сам бог велел прогуляться, до следующего твоего поезда еще несколько часов. Расходы по прогулке ты брал на себя, сразу же предлагая начать экскурсию с посещения столовой.

Я с утра ничего не ел, кроме твоего мороженного, поэтому согласился (демонстрируя полнейшую незаинтересованность в грядущем предприятии, дескать, соглашаюсь со скуки, от нечего делать). Я решил пробыть с тобой столько, сколько мне будет выгодно. Даже пришла практичная мысль, которая всегда приходит «благодарным» бродягам: при расставании выпросить у тебя на прощание твой «дипломат» из крокодильей кожи. Во-первых, заимев приличную одежду (а я обязательно ее заимею, не сегодня, так завтра, не здесь, так на другой станции – простаки найдутся), приодевшись,

с «дипломатом», можно будет зарабатывать на хлеб не только торговыми приработками, но и мелким мошенничеством, втираясь в доверие к гражданам. Каким именно мошенничеством – я еще не придумал, но мне вдруг показалось, что с этой мыслью открылись новые горизонты, о которых я раньше не мечтал. Я уже благодарил судьбу за эту встречу с тобой, выглядевшую, в свете перспектив как подарок свыше, как указующий перст судьбы.

В конце концов, можно просто «увести» этот «дипломат», когда ты зазеваешься. Ведь умные люди, каковым я, естественно, себя полагал, и должны жить в первую очередь за счет глупцов, а иначе зачем становиться умным? (Это я как-то услышал от пожилой поездной мошенницы, прикидывавшейся добропорядочной погорелецей).

Мы шли с тобой мимо витрин, в которые я поглядывал: действительно я выглядел умным, а твое отражение передавало твою простоватость. С этого момента ты уже был моей потенциальной жертвой.

Вдруг мы вышли на улицу, по которой двигалась похоронная процессия.

Ты взял меня за руку, на этот раз твои пальцы, недавно железные, показались хрупкими, ладонь вздрагивала. Ты одухотворенно смотрел на процессию и с взволнованной рассеянностью рассказывал, как однажды в цеху, где ты работал, убило током твоего коллегу. Ток высокого напряжения прошил его от виска до ступни. Пахло паленым волосом. Там,

в цеху, ты поймал себя на мысли, что покойник тебя совсем не пугает. А ведь до этого случая ты мог потерять сознание от одного упоминания о смерти.

Я, кажется, грубо прервал тебя, заметив, что твоя сиюминутная растерянность не вяжется с утверждением, что ты не боишься мертвецов. Я чувствовал власть над тобой: ты не хотел, чтобы я покидал тебя. Чем-то я был тебе интересен и желанен. Я делал вывод, что ты настолько одинок, что даже общество малолетнего бродяги является для тебя какой-то, пусть временной, отдушиной.

«Нет, – почти прошептал ты. – Мертвец на воле, – так и сказал, – это не то что в гробу. В гробу – страшно! Потому что неестественно!..»

Ничего себе!

«Страшный город! – вдруг возвестил ты и пояснил моему удивлению: – Здесь огромное кладбище прямо возле вокзала. А в районе центральной площади – два учреждения ритуальных услуг. А ведь городок – с ноготок! Тут, наверное, каждый день вот такие процессии…»

Еще ты сказал, что провинциалы как-то по-особенному умирают, покорно.

«Долгий же у тебя транзит, – заметил я, – если ты все это успел узнать».

Я понял, что должен разговаривать с тобой на равных. В таком варианте будет расти моя власть над тобой, а это может пригодиться не только в процессе нашего с тобой сосед-

ства, но и, возможно, при расставании.

Оказалось, ты уже сутки околачиваешься в нашем «глупом» и «страшном» городе.

«В таком же нашем, как и в вашем», – парировал я и подумал о том, что ты все более перестаешь мне нравиться из-за твоих резких переходов настроения.

Но ты тут же, будто услышав мои мысли, опять сделался рассеянным и ленивым. Раз ты притворяешься, значит, недооцениваешь мою проницательность, тотчас отметил я. Что ж, это неплохо, посмотрим, кто из нас двоих окажется глупей…

В столовой мы плотно пообедали. Уходя, ты купил в буфете бутылку водки и пачку какого-то сока, круг колбасы, хлеба, плитку шоколада и уложил все это в «дипломат».

«На потом» – подмигнул мне по-простецки.

Я заметил, что, оперируя с «дипломатом», ты отворачиваешь створки к себе, так, чтобы мне было недоступно содержимое. От этого «дипломат» нравился мне еще больше. Если увести его с содержимым (а как иначе!), то можно, наверное, несколько дней жить, не заботясь о дневном заработке.

Ты поинтересовался: откуда я взялся, где родился, есть ли родители? Я сказал, чтобы через жалость еще больше расположить к себе: с Кавказа, дом сгорел, папка с мамкой погибли – обычная для нашего времени легенда попрошаек и мошенников.

Странно, но у тебя явно поднялось настроение:

«Ну, ладно, сирота южная, никому не нужная, найдем мы тебе уютное местечко! А пока у нас с тобой культурная программа. Куда хочешь? Веди!»

«В зоопарк!» – быстро отреагировал я, слегка покоробленный перспективой нахождения для меня уютного местечка. В приемник-распределитель? Или усыновить задумал, кретин? Ну, уж нетушки! Мне пока и так хорошо… Еще раз мелькнуло в веселом, но осторожном сознании: главное – вовремя уйти, однако пока момент этот еще не наступил. Зоопарк!

По дороге в зоопарк я опять осмелел:

«А ты сам-то откуда и кто?»

«Сам-то? – ты ухмыльнулся. – Примерно, как ты – безотцовщина. Отца, которого не помню, маленький был, хулиганы ночью прирезали. Просто так. Закурить не дал. С тех пор вашего брата не люблю… Ах, ты еще не такой, говоришь? Вот именно – „еще“! Сам понимаешь, что „еще“ просто не вырос. Все впереди! Видел я тебя в деле… А если хочешь знать, то я из-за таких, как ты, не стал, может быть, великим футболистом, вратарем. Да, да! На стадион нужно было ходить через улицу, где ошивалась компания таких же вот, как… Ну, ладно. В общем, компания малолетних подонков. А успехи были, были. Брал такие мертвые мячи – не приснится! Да что там! Атаки начинал, до середины поля добегал, пенальти сам бил! Словом, на все ноги мастер! Мечтал: стану футболистом экстра-класса, по телевизору будут

показывать, много денег будет, куплю квартиру в Москве, маму с собой заберу, которая счастья не видела… И вдруг – раз! – и перерезали мне перспективу…»

Ты свирепо посмотрел на меня. Я на всякий случай отодвинулся. Футболистом не стал, а я виноват…

В зоопарках я бываю часто, где только предоставляется возможность. Не знаю, почему мне здесь, в мире животных, гораздо лучше, чем в мире людей. Единственное, что мне не нравится в городках из клеток и вольеров, так это неволя, которая царствует во всей звериной и птичьей обители. Успокаивает сознание, что многие из обитателей родились в рабстве и оттого, возможно, страдают гораздо меньше тех, кто знал свободу. В школе, в которой я окончил четыре класса, говорили, что у животных нет мыслей, одни инстинкты. Думаю, что это не так. Стоит только дольше понаблюдать их поведение, внимательнее вглядеться в их глаза, можно увидеть радость, боль, обиду и даже осуждение.

В зоопарке того города я бывал уже пару раз, поэтому сразу повел тебя, своего нового знакомого, благодетеля, к тем экспонатам, которые мне понравились во время предыдущих экскурсий.

Я уже забыл, что именно мы смотрели (с тех пор я еще много раз бывал в подобных местах, все перепуталось). Только ясно запомнилось, чем кормили тогда зверей: работницы в грязных халатах забрасывали в клетки дохлых цыплят. Подумалось: откуда столько птицы? Наверное, специ-

ально выращивают для зоопарка, затем как-то умерщвляют (все птенцы были отчего-то мокрыми). Ты объяснил мне, что на птицефабриках умерщвляют лишних петушков.

«Зачем?» – удивился я.

«Затем, что курица несет яйцо, а лишние петухи совершенно ни к чему: растут не мясными, яйцо не дают, едят много… Что тут непонятного?»

Произнося свое объяснение, ты не смотрел на меня.

Ну, погоди…

Перед самым уходом мы подошли к клетке волка. Волк был, видимо, старый. Худой, облезлый, с тусклым взглядом. Не смотрел на нас. Куда-то мимо. Он ходил вдоль клетки, часто вытягивал шею и приподнимал голову, будто собирался завыть. Но не выл.

«Я бы его отпустил», – сказал задумчиво ты.

Я уже не обращал особого внимания на твои заумные выкладки. Подумаешь, открытие! Я бы всех выпустил, ну и что? Мое внимание больше привлекали два воробья, примостившиеся прямо перед волком, на грязном полу между прутьев, совсем недалеко от пары дохлых цыплят, на которых волк не обращал никакого внимания, как и на воробьев. Видимо, один воробей был родителем, другой – ребенком. Каждый сидел в своей ячейке, образованной из перпендикулярных полу железных прутьев, так что это птичье семейство разделял только один прут, который совершенно не мешал им. Родитель, огибая арматурину, что-то пытался вста-

вить из своего клюва в клюв ребенка, который то отворачивался, то безуспешно пытался захватить в свою пасть полагающуюся пищу. Но пища ронялась за пределы клетки, ее тут же подхватывал родитель (для этого нужно было вспорхнуть, быстро упасть вниз, захватить кусочек в клюв и вернуться на место), и кормление повторялось.

«Как ты, – кивнул ты на умильную парочку, имея в виду воробья-ребенка, – среди волков и дохлятины…»

«Нет, – возразил я. – Я – один. Потому что инкубаторский. Но цыпленком не буду!»

«Скоро будешь… В смысле, скоро будешь не один…» – сказал ты участливо и опять попытался погладить меня по голове.

Я увернулся и пошел к выходу.

«Ладно, не обижайся, – увещевал меня ты, нагоняя. – А хочешь, расскажу, как я все же однажды обманул тех пацанов, которые не давали мне проходу на стадион?»

«Мне все равно, давай…»

«Так вот. Прибыл на игру. Для этого пришлось зайти на стадион с другой стороны города, совершив большой крюк. Мне обрадовались. Тренер: ты почему так долго не был на тренировках? Сегодня отборочная игра, на вылет. Встанешь в ворота… И я стоял. И не пропустил ни одного мяча. Но и наши не забили ни одного… Послематчевые пенальти. Смотрю, за воротами расположились те самые подонки, которых я сегодня обошел. Стоят сзади, „комменти-

руют“. Но я выстоял и пропустил не больше, чем мой противник. И вот последний мяч. Если возьму, значит, выиграем. Иду к воротам, становлюсь в стойку. А сзади вкрадчивый голос: если возьмешь, домой живым не попадешь. Я пропустил. В результате проиграли. Зато домой дошел. Живой. Правда, побили для профилактики все же…»

Ты надолго замолчал, только курил и шел рядом. Мне было жалко тебя. Даже своя жизнь теперь не казалась очень трудной.

«Ты им отомстил?» – спрашиваю.

«Нет, мать переехала в село, вместе со мной, естественно. Приезжал после армии туда, для интереса, на детские места посмотреть. Все застроено, ни одного знакомого лица…»

«Бедняга, – подумал я (месть бывает единственной радостью, понимаю) и спросил: – Куда теперь хочешь?»

Мне пожелалось сделать тебе приятное, в тот момент я готов был выполнить любую твою просьбу. Ты остановился, огляделся, как бы что-то припоминая:

«Искупаться бы…»

«Решено, – обрадовался я, – идем на речку!»

«А это далеко?»

«Да нет, вон там, за лесополосой».

«В которой орудуют ваши местные маньяки?»

«Такие же наши, как и ваши, – пошутил я уже беззлобно. – Идем».

День был жаркий, и в лесополосе нахлынула такая уютная

прохлада, что ты буквально рухнул на траву:

«Подожди, давай отдохнем».

«Давай! Прямо здесь, на тропинке?»

Ты улыбнулся (впервые сегодня радостно):

«Давай отползем…»

Мы углубились в сторону от тропинки. Присели, опершись спинами к деревьям.

Я только там заметил, что у тебя голубые глаза. Казалось, в них отражалось все небо, которое только малыми прогалинами присутствовало в живом изумруде.

«Ну, что?» – спросил ты.

«Ничего», – ответил я.

«Попался?» – спросил ты и потрепал меня по плечу.

«Нет», – ответил я.

«Тогда выпьем!» – предложил ты.

«Не пью», – ответил я.

«А сок?»

«Давай».

Ты открыл «дипломат» так, чтобы я, как и в прошлый раз, не видел содержимого, и отдал мне пакет сока, а сам взял бутылку с водкой. Открыл, влил в себя треть, запил «моим» соком.

Ты соловел на глазах. Затем спросил:

«Можно, я отдохну, не спал всю ночь, боюсь, без отдыха будут не те ощущения от предстоящего моциона».

«Валяй, искупаемся позже», – согласился я, сдерживая

радость, решив, что настал счастливый момент, когда пора заканчивать наше знакомство.

«Ложись и ты».

«Хорошо, хорошо, не беспокойся…»

Ты подложил «дипломат» под голову и скоро захрапел. Еще несколько минут, и ты отвернулся, уронив голову в траву, освобождая «подушку». Пора, решил я. Осторожно взял «дипломат» и, стараясь не шуметь, удалился от тебя. Выйдя на тропинку, побежал…

О чем я мог думать, когда бежал, ощущая приятную тяжесть маленького чемодана, внутри которого громыхало, вероятно, что-то ценное?.. Сейчас сяду в первый попавшийся поезд, и – прощай город, прощай странный человек! Обиды свои ты уже пережил, а «дипломат» купишь новый.

Я не выдержал и в укромном месте, в квартале от вокзала, вскрыл «дипломат», распахнул створки… Рядом с батоном хлеба и плиткой шоколада там лежал огромный нож и… большой змеей, петляя по периметру ячейки, притаилась толстая веревка.

Когда-то в детстве, еще когда я жил в интернате, когда еще верил в то, что ко мне скоро приедут мои родители и заберут меня домой, когда еще верил всему тому, что говорили воспитатели… Впрочем, неважно, во что я верил. Просто меня очень давно как-то ударило током, я запомнил те ощущения.

Так вот, когда я увидел нож и веревку, я вспомнил, как меня ударило током.

Я захлопнул створки «дипломата», прижал его к груди как огромную ценность, как все, что у меня в этой жизни было. (На самом деле все правильно: у меня в тот момент только это и было, если не считать одежду, которая на мне).

Я со всех ног побежал к тому месту, где мы недавно ели мороженое.

Я подбежал к доске объявлений: «Не проходите мимо!», «Их разыскивает милиция».

Я стоял и смотрел на фото-роботы, похожие друг на друга, и ничего не понимал.

Я забежал в ЛОМ, в место, которое всю свою недолгую жизнь обходил за километр. Я проскочил мимо протестующего милиционера. Я заскочил в первый кабинет и бросил свою ношу на стол какого-то офицера…

Потом все бежали за мной, который бежал впереди всех в сторону лесополосы…

Ты спал.

Твой крепкий сон в той летней лесополосе, наверное, спас многие жизни, которые могли еще встретиться на твоем пути…

Ты говорил на очной ставке, что погода помешала, что я тебе понравился, что все было слишком хорошо – ни грозы, ни дождя…

Ты сразу стал сотрудничать со следствием, но это тебя не спасло. Ты «поработал» в разных городах, и тебя вынуждены были перевозить с места на место. Тебя оберегали и по-

этому держали в одиночных камерах. Но все же однажды, где-то на пересылке, всего на час оставили с подследственными, которые проходили по другим делам. Этого оказалось достаточно, чтобы тебя обнаружили бездыханным.

Меня тоже берегли для суда, поэтому содержали в спецшколе за колючей проволокой, там я окончил пятый класс. Когда тебя не стало, выпустили и меня. Я попросился, чтобы меня определили в мой родной дом-интернат, который покинул несколько лет назад. Там меня хорошо встретили. Я быстро наверстал упущенное, потом поступил в техникум…

Сейчас у меня семья: жена и сын.

Очень люблю сына. Если ему попадает от сверстников (как без этого?) на улице, в школе, то готов сам идти, наказывать тех, от кого он пострадал. Как будто его страдания – продолжение моих. Останавливаю себя только усилием воли.

Я осознаю собственную странность, которая вынуждена рядиться в обычные одежды, хотя бы для того, чтобы от этого не страдали близкие мне люди: жена, сын – больше у меня никого нет. Я хочу, чтобы на мне что-то остановилось. Поэтому готов терпеть.

Когда смотрю на сына, вспоминаю свое детство и, непременно, тебя. День, проведенный с тобой, пожалуй, один из самых определяющих дней в моей жизни (на самом деле все дни – определяющие). Все картинки (похоронная процессия, зоопарк, волк, воробьи, дохлые цыплята…) имеют двойной, тройной смысл.

Всегда думаю: а что стало бы со мной, не встреть я тебя? Не испугайся на всю жизнь – до самой последней клетки своего организма, до последней молекулы – тот, который до того ничего не боялся.

Впрочем, возможно, дело не в испуге…

Последнее время мучительно думаю: могут ли сформировать человека определенным образом геологические разломы, радоновые выбросы, излучения от терриконов?..

Моя жена считает, что могут. Ее любимым литературным жанром является фантастика. Она говорит, что в фантастических книгах больше правды, чем в боевиках и дамских романах. Я ее не разубеждаю. Не потому, что согласен с ней. Просто потому, что она, нормальный человек, вряд ли меня поймет.

Так же, как и я не понял тебя. Все, что ты мне рассказал, не убеждает. А все, что я позже прочитал о тебе…

Фантомы – творения не фантастов.

Немного зная жизнь, я уверен, что таких, как я, миллионы.

«Как мы!» – уточняешь ты откуда-то из меня.

ЛЕВЫЙ ШМЕЛЬ

Вы показались мне жуликом; в лучшем случае – пройдохой.

А какой приличный человек, едва примостивший чресла к автобусному сиденью, выдает случайному попутчику свое сногсшибательное происхождение?

Да, на первый взгляд, ничего особенного: из аула башкирского бунтаря, соратника Пугачева. Но ведь я-то, следуя вашему простодушному лукавству, должен был сразу предположить, что где-то там, в самом низу, где веточки родословного древа, если таковое уже сработано виртуозными историками, сходятся к имени Салават, возможно, есть какая-нибудь пастушка-ханум, к которой вы сейчас испытываете генеалогическое неравнодушие.

На всякий случай вернитесь и перечитайте предыдущее предложение: я написал «пастушка», а не то, что вам может послышаться от быстрого прочтения.

К чему это? – спросите вы.

Отвечаю: к тому, что я всегда восхищаюсь отсутствием акцента у тех, кто пользуется неродным для себя языком, и всегда пытаюсь поймать вашего брата на непонимании хотя бы фразеологизмов; а если быстрая поимка не состоится, то я, что называется, снимаю шляпу. Вообще, мне кажется, такие, как вы, даже с акцентом, тоньше чувствуют род-

ной для меня язык, находя в словах исконный, первородный смысл. Тот смысл, который мне недоступен ввиду расхлябывающей привилегированности, присущей носителям титульного языка.

Впрочем, не задавайтесь, скорее всего, дело не в вашем чрезмерном понимании, а в моем обостренном слухе, рожденном, как я уже заметил, моим же восхищением, немного самобичевательным, а следовательно, ущербным. Одно отрадно – восхищение, как правило, тает в течение первых пяти минут знакомства. Вот и с вами все повторилось: очень скоро, разобрав вашу казенную заштампованную речь, я поверил, что вы есть то, чем и представились, так сказать, окончательно: журналист. Да, вы не назвали того издания, где лежит ваша трудовая книжка, – и это, опять же (лукавая простота угадалась в вашем потупившемся взоре), я должен был расценить как скромность, а отнюдь не как преграду нетактичным вопросам: «А что это? И где?..» Впрочем, оставим нежелательные темы для папарацци районных масштабов.

Так я вас отныне и буду называть: папарацци – так мне понятней и, значит, удобней. Вы можете возражать.

Простите, но даже сейчас, через неделю после нашей мимолетной встречи, когда я вывожу эти слова в ленивой попытке выполнить вашу просьбу поделиться впечатлениями о своем отдыхе в «одном из лучших российских санаториев», мне трудно отделаться от иронии – порождения общей досады, которая не покидала меня всю дорогу от аэропор-

та до вашего Янган-тау, за опрометчивый, как тогда показалось, выбор.

Посудите сами: после морозной, но солнечной Москвы – Уфа. Грязный снег, уныние, провинция. Уф-а…

Перевал, вечер, переходящий в ночь. Старый автобус, подпольный гул изношенного дизеля. Целина, двусторонне бегущая мимо висков, все более темнеющая, смутные очертания холмистых, чем-то поросших земель, – нерукотворный тоннель, скучная предтеча тартара. Соседи: плечи, шапки, платки – посконно, серо. Закрытые глаза на землистых лицах – то ли суровость, то ли мука.

Лишь никелированный поручень во всю длину автобуса – ярая серебряная стрела. Света в салоне, хранящем покой пассажиров, немного, но и его хватает, чтобы стрела горела. Как будто на нее, гневно летящую, нанизан весь автобус с тесными сиденьями и спящими пассажирами.

Рядом – вы, простодушный генератор водочного перегара, вполголоса, почти шепотом, но страстно расписывающий драгоценную перспективу моего санаторного отдыха, где красной нитью тянется история о чудесном лечении вашей ноги: это ведь надо! Вы даже забыли, какую из двух ходуль несколько лет назад постиг невероятно сложный перелом. (Кстати, о чудесах языка: случается, что «красная» можно применить в значении «нудная», правда, очень редко).

И расшифровывали «Янган-тау».

А я из всех трактовок – сгоревшая гора, горящая, горелая, паленая, опаленная… – оставил для себя то, что эти слова и означают: Сгоревшая гора. Хотя вам, башкирам, хочется в настояще-продолженном времени: горящая. Так и переводите с радостью и гордостью. Символ, чего уж там.

Народы, особенно малочисленные, с бедной или же, в силу обстоятельств, неглубоко запечатленной историей, как дети, охочи до символов. Так, у вас всюду Салават. А что делать, другого нет.

«Напишите мне о своем впечатлении от Янган-тау. У меня свежести уже не получается, всеми этими красотами я пресыщен от частого посещения, потому я их просто не вижу. Но вы свежая голова, вдруг увидите и скажете что-то новое. Я гарантирую вам хороший гонорар».

Вы что-то там еще говорили, а я, не желающий даже плевать на ваш гонорар, вежливо кивал. И уже, тем не менее, думал о своем впечатлении, оно началось, как это часто бывает, еще до, собственно…

Как горела ваша гора? Наверное, это был не вулкан, както не вяжется феерическое со стариком Уралом. Эта гора горела по-другому. Допустим, ударила молния. Не стрелой, а зигзаговой петлей накинулась на гигантский конус. Мгновение – и дымной обечайкой раскаленная змея охватила подножье. Сначала затлел почвенный слой у основания, затем огонь полез вверх, обжигая комли вековых дерев – лиственниц, елей, арчи, сосен. Могуче закоптилось и полыхну-

ло, не сдерживаясь боле, и дошло до вершины; и вся некогда плодородная громада, становясь прахом, поползла с гулом вниз, вздымая клубы горячего пепла, затмившего солнце, сливаясь с облаками и, наконец, вытеснив их; и дни-ночи превратились в единую душную, пыльную тьму…

Кончился ваш маршрут, вы сошли, еще раз рекламно восхитившись целебностью горы, ее пара, воды, скороговорочно повторив, что забыли, какую из двух ваших ног в свое время постигла неудача.

Но, дружище, я никогда не стал бы заниматься подобной ерундой, на которую вы меня подвигали: писать о своем впечатлении за копеечный гонорар.

Причина того, что я все же взялся за перо и небрежно макаю его в чернила моих воспоминаний, в том, что вы меня… не то чтобы обидели – вам просто нечем меня даже огорчить, – а, скажем, зацепили, так точнее.

Разумеется, я сам виноват.

А все дело в том, что я имел неосторожность кое-что поведать вам о своем происхождении, когда вы рассказывали мне о любви эстонцев к уральскому пирату, соумышленнику Пугачева, хвастаясь вашим посещением мест ссылки Салавата – тем, что проделали путь чуть ли не пешком, «от сего самого места, называвшегося ранее Шайтан-Кудейской волостью, по которому сейчас катятся колеса этого автобуса, до эстонского города Палсидски, по-старому Рогервик».

Пафос закончился словами:

«Если бы вы знали, какие это красивые места! Там в парке для нашего бунтаря стоит памятник».

Заметно, что в волнении вы порой выражаетесь не совсем литературно.

Бес меня дернул сказать, что я могу согласиться с вами в оценке прибалтийских красот, ведь там-де побывала моя мать, под занавес жизни пожелавшая посетить места предков, что она у меня «тоже» высланная в сороковые годы двадцатого столетия, только, «наоборот», из Эстонии, правда, не в Башкирию, а в Сибирь.

И тут вы вдруг спросили, прищурившись, не испытываю ли я стыда за своих соотечественников, после того как они «вандально» распилили Бронзового Солдата, при том не изменяя своей небесной любви к Салавату.

Я от души рассмеялся, впервые за всю дорогу: нет, не испытываю.

Во-первых, понятна любовь чухонцев к бунтовавшему против русской царицы, то есть против самодержавия, и даже их умильно-трогательное возвеличивание некоторых своих исторических низостей периода Второй мировой – назло бывшему хозяину. Заодно и в угоду хозяину нынешнему. Но это к слову. Об извечном уделе карликовых да и просто слабых стран, которые вынуждены копаться в своем небогатом историческом скарбе и пялить на себя черт-те что, пусть даже безнадежно траченное рядно, и украшать лбы нелепыми цацками, пусть даже свастиковыми, – для того, чтобы ис-

ключить похожесть с недавними колонизаторами.

Во-вторых, я себя никак не отождествляю с теми, кого вы торопливо записали мне в соотечественники: моих родственников по материнской линии даже эстонцами-то не называли. Прибалты жили в одном поселении с ленинградскими финнами, и их в нашем городе, заодно, называли также ингерманландцами, а точнее, исковерканным – ингермалайцами. Эта линия в моем воспитании намеренно не очерчена моими же родителями, там им было удобно или безопасно, или они не хотели «раздваивать» своего ребенка, который был у них единственным, или что-то еще, неважно.

Словом, пусть пилят, кого не любят, и пусть любят, кто их пилит, – я пытался шутить.

Вы взгрустнули, и сказали «глубокомысленно», осуждающе глядя на меня, что все беды на земле от беспамятства.

И я заскрипел зубами.

Вы продолжали говорить. Насчет того, что нельзя распиливать историю «где нужно», а потом «как нравится» склеивать ее куски – история за это непременно нашлепает им же, «безответственным портняжкам», пендалями детей-вандалов, родства непомнящих, и тому подобное. Что возвеличивание бунтарей и предателей – это подводная мина, которая рано или поздно срывается с проржавевших тросов, и в данной связи даже вспомнили генерал-аншефа Бибикова, сказавшего, что важен не Пугачев, важно общее неудовольствие. Вы применили это в том смысле, что в спорных па-

мятниках спит скользкий зародыш сомнительного будущего… И так далее, чтоб вы провалились.

О, ваша философия только прибавляла моему раздражению – всем, всем, во главе с вами, странно меняющего в речи корреспондентскую штамповку чуть ли не на блатное арго и в завершение подбивающего фразу философским изыском. И очень хотелось стряхнуть с себя вашу похмельно-задумчивую грусть, заквашенную на истории и на ее трактовках, смрадно живущую в перегаре ваших вздохов, плывущую в серости салона, пассажиров и заоконной мути. Нестерпимо вдруг захотелось ухватиться за ярый поручень, расшатать его, вырвать из всей этой пытки и улететь на звенящем копье куда-нибудь в Древнюю Грецию, залитую солнцем…

Стоп.

Итак, мой новый знакомец-папарацци, давайте, я лучше развлеку вас и расскажу, действительно, о греках. После чего, надеюсь, вы, провинциальный инквизитор, возросший на климатической суровости и исторических дефицитах, огорошитесь тысячелетним светом заморских баллад и, восторженно ослепленный, наконец перестанете тянуть из меня жилы, прекратив свои упреки…

Но мое греческое «давайте» появилось потом, когда и след ваш простыл (я силен задним умом). То есть позже вашего выхода вон из мрачного автобуса, где вы оставили меня одного за несколько ночных километров до моего санатория, сунув мне в руку свою визитку с золотистым ор-

наментом – будто вы не корреспондент, а главный редактор (кстати, не все и «степенные» ученые, к коим можно отнести и вашего покорного слугу, заводят такие кричащие карточки). Поэтому о греках – позже. К тому же, о балладах – это я для красного словца, чтобы уйти от мышиной серости, в которой протекала наша беседа; не будет никаких баллад, простите, что обнадежил…

А санаторий, дружище папарацци, – какой облегчающий контраст! – действительно, как вы и обещали, показался ночной зимней сказкой, в которую я вошел всего через минуту после мрачного автобуса.

Мерцающее княжество, застывшее в январском мороке, как световая колба, обложенная смутными вершинами, буграми, лесными стенами, замершее в разноцветном снегу и слабом, невесомом, теплом морозе. Невысокие строения, будто части крепостной стены, сложенные из крупных пластин с четкими углами, с благородным господством густых колеров: ультрамариновый, безупречно-белый, вишневый. И, конечно, зеленый (масть пророка), который кажется всего лишь частью хвойного изумруда, подсвеченного низкими фонарями и спящего в ночных соснах, проросших там и сям сквозь рельефное тело курорта.

Прежде чем зайти в приемное отделение я долго стоял на тропе, означенной цепочкой млечных огней, силясь увидеть, угадать «Горящую гору» – чем она выдаст себя? Грозным ли очерком главной вершины и облаком пара над ней?

Или ее разоблачит сама архитектура санатория, зодческими чудесами рисуя восторженный вектор к титульному пику, не оставляя других вариантов взгляду чужака?.. Тщетно, очерки ночных далей размыты, небо, как мутное какао, без оттенков, и нрав архитектуры умиряющий, а не зовущий.

Оттепель. Сверху, рядом и в отдалении, то и дело срываются рухляди снега, спрессованного теплотой крыш и собственной сыростью. Мне его по большей части не видно, но слышно. Восхищаюсь тем, кто придумал, рассчитал геометрию кровли так, чтобы снег не скапливался сокрушительными горами на плоских лотках с режущими кромками, волнорезно секущих мокрую шугу. Которая, набрав массу, необходимую для преодоления трения, несется с шумом по крыше и через секундную паузу с грохотом свергается на землю – и кажется, в этой паузе вечность – ожидание падения, предчувствие удара (зажмуриваюсь, втягиваю голову в плечи), грохот и – тишина.

Извините, отвлекся. Итак, о греках.

Вы знаете, что представляют собой кавказцы в общежитиях, когда их хотя бы небольшая стайка? Если говорить вообще, то они держат в тонусе тысячу джентльменов, которые отличаются от «земляков» тем, что у них, «благородных мужчин», атрофировано чувство стадности, и потому каждый сам за себя. Но когда «дело доходит до дела», тогда, как выясняется, и за себя-то не у всех благородных получается –

и в этом ничего удивительного: ведь ясно, чем оборачивается война с коллективом, пусть даже маленьким. В лучшем случае – ничем.

В нашем студенческом общежитии присутствовало подобное компактное сообщество – греки. Они были не в полной мере греками, у них, смешно вспомнить, даже не было собственно греческого языка, они даже не знали, что это такое, да-да, я вам расскажу, если уж начал.

Их было человек пятнадцать, грузинских греков, то есть выходцев из Грузии. Повторюсь и расшифрую: это не те греки, которых мы с вами знаем по картинкам, не стройные, изящно-мускулистые, светлокожие и кудрявые. Нет, более всего, как мне казалось, они походили на смесь грузин и турок. Очень смуглые, черноволосые, приземистые, с вечной щетиной на лице. Спроси вас про такого: угадайте, мол, кто перед вами; и вы, не задумываясь, ответите: лицо кавказской национальности. Типично грузинские имена: Зураб, Вано, Илларион, Котэ… Родной язык – смесь турецкого с азербайджанским, вот так, и не иначе. Винегрет-с, согласитесь!.. Но те, самые что ни на есть типичные по облику и манерам кавказцы, тем не менее, называли себя с преувеличенным, нам казалось, достоинством: греки. Полюбопытствуйте у такого Зураба: кто ты, о, мужчина? И мужчина с удовольствием отчитается, грубя голос и непроизвольно откидывая голову назад: «грэк!».

Какими-либо выдающимися способностями наши греки

не отличались, и, скорее, не потому, что все они были сельские жители, что называется, народ, спустившийся с гор, просто такая вот случилась подборка. В учебе многое списывалось на их «иноземность», при том, что русским они владели не хуже нашего, хотя бы потому, что школу окончили русскую, а не грузинскую или, скажем, азербайджанскую. Но на экзаменах горцы начинали едва ворочать языком, изображая сильнейший, просто фантастический акцент. Ну, и так далее, думаю, это вам знакомо – разумеется, я имею в виду не ваши способности по части выдавливания, то есть выпячивания из себя акцента с целью получения дивидендов, нет, вы произвели впечатление как раз другого человека.

Греческую группу, в целом мирную и в то же время очень дружную – один за всех и все за одного, – в шутку и без шутки называли «могучей кучкой». Если бы возникла задача придумать для этой кучки лозунг, то самым подходящим были бы слова из песни: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!»

Одним из любимых занятий на ниве развлечения у греков было следующее: расположиться возле общежития в кружок и с помощью переносного магнитофона демонстративно слушать гения квази-оперного вокала Демиса Руссоса, самого знаменитого, на взгляд «могучей кучки», грека. Причем «кучкующиеся» искренне полагали, что этот визгливо-пронзительный толстяк поет на их родном языке, точнее, на язы-

ке их предков, славных и далеких, на языке, которого они не знали и, как следствие, просто не могли угадать на слух.

Когда знакомый грек Илларион, поймав меня за рукав, похвастался: «Слушай! Почувствуй, какой наш великий грек, какой у нас красивый язык!» – я был поражен и в ответ не мог вымолвить ни слова, только молча улыбался (наверное, растерянно и глупо), слушая «From Souvenirs To Souvenirs». Мне было так смешно, что я просто испугался. Да, испугался того, что, засмеявшись, обижу до глубины души всех греков вместе взятых.

Илларион отличался от собратьев тем, что был высок, у него были голубые глаза и волнистые волосы. Он активно занимался культуризмом. Этакая груда мышц. Красавец. В моем понимании, от греков ему хоть что-то досталось.

Почему я так иронизирую? Отчасти потому, что как раз в то время у меня была девчонка (или, как тогда говорилось: у меня был роман с…) – девчонка со славным и редким для той эпохи именем Анфиса и, что немаловажно для моего повествования о греках, со средиземноморскими, я бы сказал, параметрами – статью и ликом: изящная, кудрявая, с черными навыкат глазами, а нос и подбородок… Впрочем, буду краток, а то я перед вами как соловей. Словом, Анфису я называл «Эллады дщерь». Ей это нравилось. Зачем инверсия супротив обычного, и почему дщерь, а не дочь? Не отвечу, ибо ответ будет бедным и бледным, у каждой влюбленности свои закорючки.

Вот и сравните теперь коренную сибирячку, носящую греческое имя «Цветущая», эту Эллады дщерь – с коренными кавказцами, номинальными «грэками». Возможно, улыбнётесь; а нет – так и не в анекдотичности внешних контрастов суть моего повествования.

К слову, и я в этой моей истории был своеобразен. Север сказался в моих генах: я был, как и сейчас, строен, голубоглаз и светлогрив, а не седовлас, как теперь. У меня были подвижные оленьи ноги, длинные жилистые руки, я занимался боксом, хотя моей стати больше подходила бы, допустим, легкая атлетика или, извините, балет. Меня прозывали по-разному: и «Баттерфляй», и «Левый аист», и «Белый шмель», и даже «Кобра». Догадайтесь, почему?.. Я летал, порхал по рингу, и клевал, и жалил. Только что не жужжал. К тому же, я левша. Правой рукой я играл, как змеей, отвлекая противника, а бил левой. Меня можно было одолеть, только если я пропущу сильный удар, что случалось редко. Я бы, думаю, достиг больших успехов, но распрощался с этим спортом еще в студенчестве.

Градус моей любви к Анфисе стал стремительно повышаться с тех пор, как она мягко оповестила меня, что вскоре нам предстоит расстаться.

Нет, давайте по порядку. У нас с ней была игра. Допустим, мы спорили о чем-то. И если дело доходило до того, что нужно было признать мою правоту или ее неправоту (что, строго говоря, не одно и то же), то она вдруг делала собой весьма

трогательный жест – снимала очки (она была слегка близорука), закрывала лицо ладошками и умолкала без дальнейших движений. В этой позе читалась смиренная обида, или, точнее, кротость, замешанная на несогласии, возникал некий крепкий узелок, который требовал одного – чтобы его, простите за штамп, разрубили. Я подходил и отрывал ладони. Из-под ладоней – знакомый фыркающий смех, взрыв смеха. Но однажды, против ожидания, там обнаружились слезы. Тихие, непонятные. Это потрясло меня, как удар в челюсть.

Почему «вскоре предстоит», а не «давай расстанемся»? По ее версии, потому что иссяк ее интерес, или, если угодно, закончилась любовь ко мне. А любви новой, к кому-либо, еще не случилось. Когда произойдет этот знаменательный случай – неведомо. Но ей было точно известно, что обижаться мне не на что, потому что друзьями-то мы точно останемся, и пусть наша кратковременная влюбленность будет общей светлой страницей в наших судьбах… Мне казалось, что она была совершенно искренна со мной, в этом вся беда. Оттолкни она меня грубо, жестко, уйди открыто – я просто махнул бы ей вслед, возможно, даже обругав последними словами, как порой бывает. А тут…

Мы продолжали гулять по городу, это была теплая осень, она серебрила рассветами, золотила закатами, шуршала палыми листьями и шелестела редкими парными дождиками. Рядом со мной шла Анфиса, такая воздушная и свободная теперь. Да, именно такой она стала казаться после того, как

известила меня об окончании моего сезона. Теперь я осознал давнюю истину, что уверенность притупляет зрение, а угроза обостряет взор. Я стал замечать морщинки на лицах старушек, идущих мимо, кота на крыше (спина дугой, глаза-фонарики), задумчивый взгляд за мутным стеклом несущегося мимо троллейбуса, слышать, как трется березовая ветка о карниз, как кричит мальчишка, бегущий за мячом… Иногда я намеренно отставал от Анфисы на несколько шагов, чтобы рассмотреть ее след на какой-нибудь пыльной или влажной тропинке. Казалось бы, что там выглядывать, один и тот же протектор, но каждый след печатался по-новому, рожденный в оригинальном соседстве листьев, капель, камней, чужих следов и моих настроений.

Мне позволялось идти рядом, а по сути – следом, пока. Я наивно полагал, что смогу, успею, пока она не «определилась», сотворить над собой нечто такое, что позволит ей увидеть меня иными глазами, и на старых дрожжах восстанет что-то доселе невиданное в любовном мире. И я двигался следом, иногда намеренно след в след, с горькой покорностью; это когда в груди печет от неутолимого огня, надеешься на выход, но не знаешь его…

Дружище, я вдруг поймал себя на мысли, что мне в трактовке «Янган-тау» все больше нравится не «сгоревшая» или «горящая», а «горючая» – «Горючая гора». А там недалеко и до «Горькой». Поэтично, не правда ли? Наверное, никто это так еще не переводил, и я буду первым.

Люблю быть первым. И последним. Но это, как вы поняли, шутка.

Теперь, выходя на прогулку, Эллады дщерь перестала пользоваться очками (носила их в сумочке и водружала на свой греческий нос в крайнем случае), стремилась нарядиться в необычные одежды, вышедшие из моды, из сезона, а то и вовсе напялить на себя какую-нибудь мешковину, нацепить на одно ухо огромную блестящую клипсу, облечь шею крупными негритянскими бусами из фальшивого янтаря, прибавьте сюда кудри и выпуклость очей, и ходить по городу этакой рогатой яловкой, крашеной под зебру, близоруко пяля коровьи глаза на окружающие предметы, ища в обыденном очарование… Да, учтите в описанной карикатуре и слугу, плетущегося рядом-следом…

Анфиса и раньше испытывала неодолимое влечение к необычной натуре, а вскоре, после того как я открыл в ней повышенную смелость и любознательность (следствие ее освобождения от меня), она ровно ошалела. Мы с ней стали ходить на экзотические представления, где собирались невообразимые оригиналы и неформалы, завели там странные и даже сомнительные знакомства, участвовали в нескольких массовых действах: купание в освященных лужах, танцы вокруг магического огня с раздеванием, поедание целебной глины, целование мощей, и прочая разнузданная глупость. Пару раз курили марихуану, что уж не вписывалось ни в какие рамки.

Мало того, Эллады дщерь стала считать себя обязанной вмешиваться во все, что покажется ей интересным, достойным внимания. Например, она могла подойти к любому уличному художнику, отвлечь его от работы, прервать лектора, остановить уличного бегуна, похвалить или опровергнуть, а то и обругать любого. Но это невинные шалости. Ужасна суть: ведь она стала находить в подобном вмешательстве в чужую жизнь наслаждение, свою веселую музу, считая себя правой требовать, влиять, менять… Во всем этом ее агрессивном интересе к окружающему чувствовалось предвестие чего-то великого, проявления какого-то яркого творческого устремления, зарожденного в исподнем, которое скоро материализуется, взорвется вулканом и озарит окрестности, весь мир, удивляя его и, возможно, покоряя. Вот-вот, еще слегка, еще грош – и после этого взрыва, уже гудящего где-то в недрах, я отлечу вверх тормашками.

И я, боясь такого конца, цеплялся за нее, Эллады дщерь, чудесницу, вдруг мне удастся уцелеть, ведь еще недавно я был ей родным – неужели возможно напрочь забыть родство, не оставив, хотя бы на память, ни капли? – а ведь мне, может быть, достаточно капли!.. Я чувствовал, что курки взведены, вот-вот слетит предохранитель, ударит боёк и раздастся выстрел-фейерверк, да не один, а дуплетом, и вторым-парным буду не я.

Доведенный до отчаянья, до бессонницы, до разговоров с самим собой, однажды я спросил ее: когда же ты, наконец,

уйдешь? Поставь мне какое-нибудь условие!

А она, смеясь, чувствуя свою власть надо мной, сказала: давай договоримся, как только проиграешь свой боксерский бой, я уйду, так будет легче, без объяснений и лишних прощаний.

Ну, вот и хорошо, вздохнул я с облегчением и…

И, что называется, ринулся в бой. Я знал, что рано или поздно проиграю, но страстно желал, чтобы это произошло как можно позже. Выходя на ринг, я бился изо всех сил, зная истинную цену бою, и побеждал за явным преимуществом, иногда нокаутом. Тренер был в восторге и строил планы невероятных масштабов, не понимая, что я работаю на допинге, который скоро подорвет меня, и я проиграю, и никогда больше не повторю таких результатов.

Последним боем на ринге была встреча с одним крепким «армейцем», к которому пришлось применить весь свой арсенал – и кобру, и аиста, и бабочку, и шмеля. Нокаутировать его не удалось, но после боя у него была «нечитаемой» вся правая часть лица, и он прижимал ладонь к правому боку – здорово я поработал, и сверху, и снизу. Победа досталась, естественно, мне. И, тем не менее, это, как я уже сказал, был мой последний официальный бой.

И вот почему.

На тех воскресных танцах, которые, как обычно, проходили в холле нашего общежития, Илларион – конечно, он, а зачем же я, по-вашему, морочил вам голову греками? – тот

самый Илларион пригласил мою (еще мою) Анфиску на танец. Надо ли уточнять, что на танцплощадке пронзительно визжал греческий соловей: «I'll Be Your Friend».

Все бы ничего, но последовало второе приглашение и третье. Эллады дщерь не отказывалась и, тем более, не просила у меня разрешения – к тому времени в этом уже не было необходимости.

Но для окружающих, в тех наших понятиях, назойливые приглашения выглядели уже беспардонностью. Это унижало меня. Все смотрели на Белого шмеля с сожалением. «Goodbye My Love!» – плакал великий грек.

Короче.

Куда-то делась Анфиса. Как выяснилось после, поднялась к себе на пятый этаж.

Я подошел к «грэку» и спросил так, чтобы слышали многие: один на один? Грек ответил: «Конэчно!» – сказал радостно, как будто давно ждал моего вызова. Мы вышли.

Это было неслыханно: вызвать грека на дуэль. Иллариона, эту груду мышц, кавказского яка, подпертого отарой верных земляков. Но неповоротливую, красующуюся собой гору мышц я, Левый аист, как раз и не боялся; а насчет земляков был уверен, что они не посмеют нарушить «один на один», заказанный на глазах у всех. Разве что по-азиатски отомстят потом. Но в тот момент перспектива закулисных неприятностей не пугала, мною овладел нерационально-возвышенный кураж, заквашенный на рыцарской решимости, –

бесперспективность обладания, но необходимость остаться мужчиной.

Едва наш грозный культурист попробовал достать Шмеля своей правой кувалдой, как сейчас же получил в нос моим левым жалом. О, это знаменитое зрелище – гора мускул с кровоточащим носом, говорю вам как бывший light heavyweight.

Издеваясь, я выкрикнул: «Be careful, I'm boxer!..» – чем привел в восторг публику и в ярость Иллариона, потому что он ничего не понимал и видел, что это его непонимание доступно всем, так же, как всем «понятно» его окровавленное сопло. Я порхал, как бабочка, он рычал, как медведь, и двигался соответственно.

Но мой баттерфляй продолжался недолго. Вскоре я, безупречно сосредоточенный по фронту, получил несколько ударов сзади: сначала по затылку, потом по почкам и, наконец, по ногам. Я подломился, упал навзничь, ударился спиной и головой, сбил дыхание, но быстро пришел в себя, собрал глаза в кучу, огляделся.

Вокруг были они – кавказское стадо. Меня приподняли, держа за руки, Илларион подошел и врезал мне сначала в солнечное сплетение. Я согнулся, однако потом с трудом, но гордо распрямился. Тогда – или, точнее сказать, «за это» – получил по лицу. Я тоже закровил, но, в отличие от Иллариона, ртом… Были зрители, как я упомянул, в том числе те, кто, перегнувшись, смотрели из окон; но никто не пришел,

не встал на мою сторону.

Культурист поднял руку: хватит! Стадо отпустило меня, вернее, бросило на землю. И бык спросил, нависая над шмелем:

«Будешь еще обижать грэка?..»

Так и сказал, издеваясь, запихивая углы носового платка в свои бычьи ноздри.

Я сел, упершись руками в землю, разбросав ноги в стороны. И сказал, плюясь красной слюной:

«Вы не гордые кавказцы, вы не греки, вы – азиатское стадо, горные гибриды!»

Стадо вероломных гибридов, не стыдящихся бить сзади и кучей, задохнулось в одном порыве, зашевелилось, закорежилось от моей отчаянной смелости. Всё вокруг затихло, прямо космическая тишина в безвоздушном пространстве.

А я добавил, хрипя от ненависти:

«А Демис Руссос, про которого вы, двоечники, скоты туфлекопытные, говорите „наш“, – он совсем не ваш! И поет он по-английски и по-немецки. Но не по-гречески!»

И выдохнул последнее, сплюнув Иллариону под ноги:

«А ты – не мужчина».

Все думали, что меня затопчут. Но оно, горно-азиатское, хронически небритое множество стояло пораженное…

Опускаю подробности, дружище папарацци, скажу только, что с тех пор у меня установился непререкаемый авторитет «мужчины».

Пока я ездил домой, чтобы немного отлежаться: обычное дело для боксера – унять гул в голове от легкого сотрясения мозга и промыть брусничным морсом подбитые почки, – Анфиса «ушла к Иллариону». А вы думали, что после того, как я стал героем, пусть нокаутированным, то Анфиса – ах, ах?.. Ваш вариант выглядел бы красиво, но, увы! Бывают, конечно, чудеса, однако, согласитесь, они случаются редко.

Да и, в конце концов, что дороже чести мужчины, старина папарацци! Вы не хуже меня знаете, что честь стоит очень дорого. Иногда она стоит целой жизни.

Как в случае с Илларионом.

Который имел честь встать на защиту обижаемой хулиганом женщины, совершенно посторонней, кстати, что, несомненно, есть рыцарство. За что получил нож в брюшную область. Типичная плата за роскошь, коей является честь. (Извините, «честь-честь» – зачастил, как весенний щегол на репейной ветке).

А дело было так. Особым местом в свиданиях влюбленных, Иллариона и Анфисы, стала темная улица недалеко от общежития. Гуляя по окрестностям, возвращаясь с танцев, с кино (никаких неформальных сборищ – что вы, с кавказцем это не проходило!), они, перед тем как зайти в наше общее жилище, под занавес, так сказать, дня оказывались в начале этой улицы, у длинного, как крепостная стена, дома – непременно, как по расписанию. Я ведь уже говорил, что у каждой любви свои бзики. Здесь мнимый грек присло-

нял кудрявую пассию к стене, упирался ладонями в кирпичи возле девических плеч и целовал ее, похожую на эллинку, долго и страстно.

Там это и случилось. Поздним вечером, почти ночью. Всего через месяц после того, как я остался один, а их стало двое.

Когда они целовались у той самой стены, неподалеку в темноте закричала женщина, зовя на помощь. Грек поколебался, уговариваемый Анфисой не вмешиваться, но гордость не позволила поступить иначе, как побежать в темноту на крик…

Минутами позже она, «похожая на гречанку», в том самом темном пятне улицы и нашла своего «непохожего на грека», сидящего на тротуаре, прижимающего ладони к боку. Рядом стенала перепуганная женщина, причина переполоха.

Говорят, грек в Анфисе души не чаял, и все могло бы закончиться свадьбой. Могло – бы. Хотя уверенности в этом у меня до сих пор нет. Простите меня за пошлость, я имею в виду слова о перспективе свадьбы.

Самое интересное в том, что раненый грек, лежа в больнице, в температуре и бреду, обихаживаемый родственниками, прилетевшими из Грузии, и Анфисой, позвал меня.

Когда я подходил к больнице, там на двух-трех скамейках сидела вся греко-кавказская компания, вся «могучая кучка». Они были не такие, какими я их знал прежде, совсем другие, невероятно иные; даже не знаю, как выразить словами

их переменчивость – свершившуюся, невозвратную. Одни – в солнцезащитных очках, казалось, философски запрокинули головы к небу; другие – опустивши руки, устало смотрели в сторону и вниз, словно труженики с лубочных картинок в стиле романтического реализма; третьи – устремили взгляды на меня, какие-то внутренне поющие, успокоенные. Возможно, все они впервые осознали, что такое настоящая мужественность, какова ей цена, и задумались, стоит ли примерять на себя ее белые и такие рискованные, оказывается, одежды. Все издали покивали мне довольно приветливо.

Когда я зашел к Иллариону в палату, в которой он лежал, как тяжело больной, один, у него была только Анфиса. Мы просто поговорили о том, о сем. Он ведь пригласил меня для того, чтобы показать: вот, мол, я мужчина, ты тогда был не совсем прав, а оно видишь как, сейчас уже никто не скажет, что… Наверное, в таком роде все крутилось в его температурящей голове. Во всяком случае, он был возвышен, одухотворен, пылал. Конечно, плюсом к этому огню было его физическое горение.

Поговорили вот так, ни о чем, и Анфиса вышла за какой-то микстурой, а мне было пора. Я поднялся со стула. Тогда грек сказал, почему-то виновато улыбаясь, что его «ужалила какая-то змея». Хотел показать, но двигаться ему было трудно, и он скосил глаза вниз, где лежали его большие руки поверх простыни, пояснив: небольшой укус, справа от пупка…

Он заговорил быстро, и это была тривиальная сцена: умирающий прощался, прощал и просил прощения. Просил, чтобы я «поддержал Анфису хотя бы в первое время», что он мне теперь не соперник, и чтобы я не обижался на нее.

Я отвернулся, чтобы уйти, избавиться от этой бульварщины.

Он спросил мне в спину:

«Я грэк?»

Я ответил уже у двери:

«Ты грек. И над тобой витает Ника, богиня Победы».

Он слабо улыбнулся и поднял глаза к потолку. И отвернулся – не всем телом со смертельным укусом, а только отвел голову – мне показалось, что в глазах блеснуло. Да, скорее, показалось. Погода была хорошая, солнечная, лучи проникали сквозь желтые занавески, и всё в палате чудилось омедненным и поблескивало…

Что вы там говорили про Бронзового Солдата? Не знаю, почему я вспомнил…

Я выполнил последнюю волю Иллариона, не всю, увы, но в той части, где он просил поддержать Анфису «в первое время». Мы вновь сблизились с Эллады дщерью, и это была дружба, пусть странная, но, наверное, настоящая, так, во всяком случае, казалось. В наших отношениях была печаль, которая возвышала эти отношения. Мы уже избегали шумных компаний и соответствующих заведений, большей частью сидя в театре, где смотрели драмы и трагедии, гуля-

ли по улицам, обходя тот переулок, на котором состоялось злополучное свидание, где Илларион защитил незнакомую женщину, чтобы в глазах дамы своего сердца остаться мужчиной.

Кое-что запомнила та самая до конца жизни напуганная женщина. Несмотря на то, что хулиган и, как теперь ясно, убийца был в маске – в капроновом чулке, женщина смогла хоть как-то описать насильника, его рост и даже дыхание. Да-да, вдумайтесь – дыхание! Из студентов, косяком повалившихзаписываться в дружинники, создавались пятерки. Мы (мог ли я избежать той общей участи?) обходили улицы, угрюмые, сосредоточенные, возвышенные, в те вечера мы никого и ничего не боялись. Когда нас первый раз инструктировали в милиции, нам показали ту пострадавшую женщину. Она волновалась, заикалась, рассказывая, описывая «того самого», и, о Боже, имитировала его дыхание, откидываясь на спинку стула, закрывая лицо ладонью, охала.

Однажды во время вечернего рейда нашей пятерке показался подозрительным один молодой высокий человек. Мы окликнули его, он кинулся бежать, мы – следом. Все отстали, но я настиг его, не столько потому, что хотел его догнать, а скорее потому, что он зацепился за что-то ногой и упал. Отполз спиной вперед, затравленный, встал, прислонился к стене.

Я готов был бить его и даже привычно занес свой правый кулак, чтобы ударить левым. Но остановился, после того как

он прошептал:

«Извини, я просто испугался!»

Я стоял напротив него и тяжело дышал, боясь, что мое дыхание сейчас похоже на то, что изображала женщина; хотя при чем здесь этот парень, который ее не слышал?

Я спросил его:

«Страшно?»

Он огляделся:

«Очень!..» – и обморочно закрыл глаза.

Я повернулся и пошел прочь.

Подобных случаев было несколько. Кого-то задерживали, водили на опознание. Потом все закончилось, сошло на нет.

Греки ходили еще группой, «могучей кучкой» в полном составе, но потом и они куда-то исчезли, распались, как будто лишенные ядра и вяжущих веществ. Опасными, хотя и такими красивыми, даже великолепными, оказались белые одежды мужественности – как саван, в котором уходил в песню и будущие тосты их яркий друг, – что… что растворилось оно, слывшее стадом…

Так прошла зима, в течение которой Эллады дщерь, казалось, жила как лунатик: сонной ходила на занятия, сонной гуляла со мной. А вот весной, не ранней, а уже разнузданной, когда деревья в сквере студгородка, еще недавно стоявшие кривыми шпалами и бросавшие черные тени на голые тела продуваемых аллей, оделись в листья, когда зеленые тропы, повороты и ниши обители загадок и надежд сменили собой

тревожную ясность, – Анфиса проснулась.

Сначала она потянула меня на футбол. И уже в этом необычном желании я заподозрил ее пробуждение, или, точнее, воскрешение. На стадионе, как я и ожидал, она наблюдала не игру, в которой ничего не понимала, а эмоции зрителей. Эллады дщерь сидела в очках, смотрела по сторонам, повизгивала от удовольствия, когда окружающая масса недовольно ревела, радостно взрывалась, неопределенно гудела. В особенный восторг ее привела драка фанатов с милицией, долго шумевшая в верхних рядах, прямо над нами. О, если бы вы видели ее, любующуюся боем: одухотворенное лицо, крепко сжатые кулачки, вскинутый подбородок – Эллады дщерь, точнее не скажешь!

Назавтра был ипподром. Те же реакции. Но к ним нужно прибавить проигрыш приличной суммы, составлявшей половину стипендии, и окончательное решение моей опекаемой записаться в конноспортивную секцию. По дороге домой она спросила меня: неужели ты действительно бросил бокс? А передумать не поздно?

Не буду продолжать, старина папарацци, скажу коротко: проснулась.

«Пора делать последний аккорд!» – так любит говорить один мой знакомый, которого я очень люблю и жалею (он соло-музыкант, саксофонист в уютном кафе, что в цоколе моего дома; я там часто ужинаю).

Когда я понял, что пора?..

На следующий после ипподрома день Анфиса повела меня к речке, там убедила выпросить у рыбаков лодку напрокат. Естественно, рыбак, тронутый вниманием, как он полагал, влюбленных, отдал нам свое судно с удовольствием и, разумеется, бесплатно, даже без залога. Мы сплавали к тому берегу и обратно. Вода была парной, а Эллады дщерь восторженной и улыбчивой. Но улыбалась она не мне, мускулистому гондольеру, а оранжево-закатному небу, реке, теплому ветерку, трепавшему ее кудри. Она упиралась ладошками в лодочные борта, закинув голову, то распахивая ресницы, то надолго зажмуриваясь, и странно дышала: делала глубокий вдох, замирала, закрыв очи, словно стараясь задержать в себе всю прелесть вечера, затем шумно выдыхала – и глаза в этот момент были пьяные, смотрели мимо меня, поверх меня, сквозь меня. А я был гребцом – продолжением лодки, весельным приводом.

И вот тогда я понял: пора… Правда, всех нот в аккорде я еще не знал, многое, если не сказать основное, сложилось по ходу музыки – импровизация, как и наша с вами жизнь.

А сейчас, дружище папарацци, для продолжения нашего с вами разговора мне необходимо отвлечься, побормотать себе под нос, иначе не получается; во всяком случае – очень трудно…

Мы пошли от рыбаков, и я попросил тебя вспомнить, как все было. Целых несколько месяцев я не задавал тебе этого вопроса, хотя в нем, тяжком для меня и тебя, все же не было

ничего чрезвычайного. Тебе было трудно, больно, но я настоял: только один раз, первый и последний, вот увидишь, тебе станет легче, в полной мере и окончательно. И, чтобы раскрепостить тебя, я первым принялся вспоминать, каким славным парнем был Илларион.

И ты, покорившись мне, вспоминала и вспоминала… Ты увлеклась и рассказывала, как хорошо, уверенно, надежно было с ним. Какой смешной казалась его неосведомленность в некоторых, казалось бы, общеизвестных вещах. Как ты просвещала его, умиляясь, смеясь, восторгаясь своей учительской ролью, какие вы с ним строили планы, как ты отучала его от чрезмерного коллективизма, уводила от друзей, как те обижались, и чего стоило ему преодоление азиатских привычек. А сейчас ты коришь себя: нужно ли было творить из азиата европейца, зачем было все это переучивание, в результате которого, если проследить причинно-следственную связь, новоявленный европеец-джентльмен и пострадал, отойдя от своего хора, став не то чтобы смелей и безрассудней, но приобретя принципы, диктующие жертвенное поведение, в котором гордость не позволяет отойти, уклониться, промолчать…

Потом ты повела меня к тому дню. День был, как и сегодня, чудесным, вы были там-то, виделись с теми-то, ты научила его тому-то.

Наконец, распаляясь, ты кротко призналась мне в своем небольшом грешке: это ты сама написала сценарий и все

устроила на тех танцах – и Демиса Руссоса, и ай уил би е френд, и гудбай май лав, и беспардонные приглашения, закончившиеся боем «один на один». Все это было необычно, красиво, поэтично. И просто блеск твое судьбоносное условие экзотическому греку: если победишь, то… Оказывается, ты была уверена, что он победит, не предполагала иного варианта для такого человечища, супермена атлетической гимнастики. И ты смотрела в окно, наблюдала бой и всю его переменчивость, трагичность, и болела-болела-болела, конечно, уже за него, ведь все уже было решено, а как все драматически поворачивалось, ведь я, Шмель, не хотел – о, ужас – не хотел проигрывать!..

Ты спросила меня, оглушенного (впрочем, я не выдал потрясения), не обижаюсь ли я?

«Ну, что ты!..» – только и сказал я, подбадривая тебя дружеской улыбкой.

«О, боже мой, какой же ты чуткий, верный, всепрощающий друг!» – ты поцеловала меня в щеку; и я заскрипел зубами, но ты не услышала скрипа.

Потом я долго вел тебя по городу. Ты шла покорно, нет – доверчиво. Мы оказались в незнакомом тебе здании.

«Куда мы пришли?» – смятенно спрашивала ты, а я опять подбадривал тебя улыбкой, дескать, сюрприз.

Мы двигались коридорами, в ноздри ударил запах пота, послышался звон металла, короткие вскрики. Ты заподозрила неладное, но было уже поздно.

Я открыл дверь и ввел тебя в зал. Ты дрожащими руками полезла в сумочку за очками… И вдруг увидела десятки культуристов: горы красивейших людей, совершенных тел, они, кряхтя и потея, поднимали тяжести, отжимались, подтягивались, замирали в статике, напрягая блестящие мускулы…

Ты изменилась в лице, вскрикнула и постаралась убежать, но, не зная дороги, билась о преграды, как плененная птица, и я мог не спешить, наблюдая твое смятение. Ты натыкалась на запертые двери, на людей с полотенцами, буквально попадая в объятия тел, мускулисто-упругих, теплых и влажных, и еще сильнее вскрикивала…

Я вывел тебя на воздух. Ты долго убегала от меня, но я тебя настигал, держал в объятьях, ты опять, как прежде, хрустела в моих руках, я отпускал, ты опять убегала, но уже не так отчаянно… Постепенно ты успокоилась. И это было уже почти утро, мы останавливались у ночных магазинчиков и пили воду. Здесь выяснилось, что ты благодарна мне за все, просто так, без объяснений, ну просто за все-все.

Я взял подержать твои очки и – ай-ай-ай! – уронил их, и в попытке быстро исправить оплошность наступил на них, и корил себя за неуклюжесть…

От волнений ты становилась совсем незрячей, а после Иллариона это стало проявляться все больше. То утро не было исключением, ты ослепла от усталости и потрясений. И сказала с признательностью, держась за мой рукав, словно ребе-

нок: как хорошо, что рядом ты, друг-поводырь, не расстраивайся, дома у меня есть запасные.

И поводырь привел тебя к тому самому месту, к той самой стене, и прислонил тебя к кирпичам, почти невидящую, но такую благодарную, теплую, близкую.

Я готов тебя поцеловать, ты готова с благодарностью принять мой поцелуй… Но вдруг ты узнаешь эту стену, шуршишь ладонями по бархатным кирпичам, озираясь, прищуриваясь, и в красивых греческих глазах твоих – животный страх, коровий ужас, как у того, которого я давеча догнал и едва не избил.

Я сковал тебя объятьями и, не давая опомниться, вспоминая нас двоих, еще тех, до твоего ухода, горячо расцеловал тебя – в глаза, в губы, в шею, как делал это раньше, но еще более страстно. Ты, Эллады дщерь, вскрикнула, завырывалась; и я тебя, конечно, отпустил, уже навсегда. Но сначала…

Я тебя ударил.

Всего один раз, но умело, чтобы у тебя потекли сразу две струйки – из правой ноздри и из правого уголка губ.

Помнишь? – у него из носа, у меня изо рта. Конечно, помнишь.

До свадьбы заживет.

Я повернул тебя лицом к общежитию, которое уже совсем рядом, на виду, и легонько подтолкнул в спину: иди, ты найдешь свою дорогу, хоть на ощупь, хоть на четвереньках, с тобой никогда ничего не случится.

Занавес…

Извините, дружище папарацци, что в предыдущих абзацах я немножко побормотал, поменяв обращение, – но так мне было удобнее.

Продолжаю.

Первую ночь в санатории я спал, как убитый, проснулся поздно; в номере, по дивану и по столу, ходили две небольшие птички, ища, чего бы клюнуть, или просто обследуя новые предметы, – видно, что они тут хозяева, а я всего лишь очередной квартирант. Окно приоткрыто, на подоконнике следы зерен и крошек – их тут подкармливают. Буду подкармливать и я, в дни, мне отведенные.

Это было воскресенье. Я вышел во двор санатория и был окружен тучей голубей, почти ручных, которых, по всему видно, можно кормить с руки, но при мне не оказалось ни крошек, ни семечек, и птицы быстро перекочевали к следующему человеку – молодой симпатичной женщине, по-видимому, башкирке, у которой из-под пальто нараспашку выглядывал белый халат. Женщина с готовностью принялась кормить голубей мягкой булкой, быстро отщипывая кусочки.

Поймав мой ревнивый взгляд, санаторская прелестница разломила булку и протянула мне половину. Я запротестовал, замотал головой. Тогда она предложила мне маленький кусочек – от этого я не смог отказаться. Я присел и вытянул

руку с крошкой, левую, конечно, ведь я левша; и один голубь взлетел, опустился мне на пальцы, затрепыхался, удерживаясь, и замер надолго; и женщина засмеялась, блестя угольковыми глазами, и сказала, показывая на голубя:

«Святой дух!..»

Но позвольте, дружище папарацци! А что это мы с вами всё про меня с моими греками и о вас да о ваших с эстонцами национальных героях?

Кстати, я вспомнил еще из того, что вы говорили о Салавате: по приговору суда он был подвергнут наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и клеймению знаками «З», «Б», «И» – «злодей», «бунтовщик», «изменник» – на лбу и на щеках.

А не хотите ли про того, которому в «греческой» истории выдалась высокая роль, а мы о нем ни слова? А ведь он, пусть отрицательный, но все же герой!

То самое дело так и осталось нераскрытым. А все, мне кажется, потому, что искали отпечатки пальцев, ножик, следы, и никто не удосужился проанализировать логику поведения героя, которого я имею в виду. А ведь многое показала пострадавшая женщина… Не кажется ли и вам странным то, что насильник не отнимал у нее кошелька или украшений, и вообще не выдвигал каких-либо требований, а лишь таскал ее за волосы. Такое впечатление, что хотел он единственного – чтобы пострадавшая кричала и звала на помощь. Если так, то мне видится в его поведении какой-то

поначалу невинный умысел, скажем, розыгрыш, пусть даже мстительный… Конечно, дружище, я могу ошибаться, но если я все же угадал, то, согласитесь, сыграно было отменно, и в игре просматривается и настойчивость, и талант. Давайте на время согласимся с моей версией, тем более что нам это ничего не стоит, и наше мнение ни на что уже не влияет, но вдруг сие пригодится вам, работнику пера, для какого-нибудь сюжета (вдруг вы смените амплуа), представим, что мы говорим чисто об искусстве.

Итак, представьте, насколько сложным было тому шутнику, целыми вечерами стоя в засаде, дождаться, когда «на одной линии» в темноте окажутся четверо: он (хулиган), грек с гречанкой, какая-нибудь хилая женщина, играющая вспомогательную роль. А нож, обыкновенный перочинный, он носил просто так, на всякий случай, чтобы было чем напугать настоящих хулиганов, окажись они рядом в темноте. Ведь он полагал, что грек не мужчина, грек испугается и таким образом опозорится перед своей пассией. Но он (шутник-хулиган) ошибся. А потом запаниковал, когда грек схватил его своими железными руками, к тому же, согласно моей версии, шутник уже был за что-то на того опрометчиво-смелого грека зол, и…

Сунул грек руку в реку – рак за руку грека… Извините.

Как это ни жестоко звучит, но случай с ножом – издержки высокого искусства (вы можете со мной не соглашаться).

Однако пойдем дальше. И оценим то, что нужно было по-

добрать место так, чтобы грек, прояви он мужественность (что, к несчастью, и случилось), выбежал из сумрака, попал в сноп прямого света, ослеп, потом со света забежал в темноту и стал, что называется, слепым котенком. В такой конструкции даже чулок на лице был излишним, и у шутника были секунды, чтобы ретироваться неузнанным. Но шутник поскользнулся, замешкался и попал в незапланированные объятья.

Если уж завершать тему высокого искусства, то не меньшим мастерством было раскрутить воспоминания «от Анфисы», сыграть несколько символических актов-напоминаний, и коронный из них – прижать Эллады дщерь к стене и произвести нечто с двумя символическими струйками… Ах, да, это уже опять обо мне, извините, опять; но, тем не менее… Просто вырвалось – к вопросу о полноте картины, да и вообще о художественности, хотя то, что я нарисовал, это, согласен, андеграунд, поклонником которого вы являетесь вряд ли.

Ах, дружище вы мой, папарацци районного масштаба! Я ведь совсем забыл, что потерял вашу визитку! Случайно выбросил, видно, вместе с бумажным мусором, оставшимся после пирожков, которыми я перекусывал. Это стряслось, кажется, уже на моем выходе из автобуса, да-да, что-то там, припоминаю, блеснуло. Ай-ай-ай! Как же я мог забыть?.. Забывчивость и неуклюжесть, старею. Выходит, писал – все зря… Досадно, право, и – каюсь. Так мне и надо! Хотя, с од-

ной стороны, жаль времени, но с другой – куда его в санатории девать? (Я не пью).

Вот и все. Одной рукой дописываю последние слова, а другой щелкаю зажигалкой. А что делать?.. Согласен, дружище, что все это бульварщина и пошлятина – весь мой эпистолярный монолог с сжиганием; но положение не исправить, визитку уже не найти, не копаться же мне в урне, что стоит возле автобусной остановки, да и наверняка там уже побывала машина-ассенизатор…

Не прощаюсь, потому что прощаться, увы, не с кем. Разве что с этими листками, которые сейчас превратятся в шуршащий комочек, который быстро и с удовольствием сгорит, превращаясь в черный прах на круглом блюдце, некоторое время померцает слабыми зигзагами огня, и все смоет туалетная вода. Вот вам, кстати, и еще одна Сгоревшая гора, горелая, горючая, горькая, и прочее… Согласен, аллегория невпопад, но в качестве шутки, перед сжиганием, пойдет. Может ведь человек иногда инкогнито подурачиться?..

Впрочем, минутку! Пожалуй, припишу немного для полноты картинки – это уже не для вас, папарацци, а исключительно для того, чтобы потом было о чем пожалеть – вот, дескать, какую картинку я давеча спалил!

Досадно, но, выходит, мою шутку уже некому оценить, разве что Святому духу, которого упомянула добрая женщина, подавшая мне краешек от своих хлебов.

Итак, скормив хлеб и пообщавшись таким образом

со смелым голубем, многозначительно посмотрев ему в оба глаза (он успел повертеть головкой туда-сюда, балансируя у меня на пальцах), я пошел дальше.

Получилось как-то само собой, что пошел ровно за башкиркой, на небольшом отдалении, но, из баловства, норовя повторить ее след и всматриваясь в каждый отпечаток от сапожков: треугольник и точка. И так прошел через аллею – оранжево-красную, будто всю в крови, сверху донизу, от гроздьев рябины, от раздавленных ягод на пешеходном снегу – и остановился возле процедурного комплекса, где, как выяснилось позже, и происходит главное в этом санатории сакральное действо.

У входа – небольшая площадка, похожая на балкон, с которого открылась заснеженная панорама – все падающее вниз, где змеилась застывшая река, выступали коричневые щетины редких, как всегда кажется зимой, кустов и деревьев, бугрились земли, кое-где обветренные, с бесснежными проплешинами, и гривастые, в соснах, берега. Но все было – внизу и внизу; а взгляд искал вершину, запрокидывая голову, выкручивая шею.

«Где же ваша Горящая гора?» – спросил я у нее, которая тоже остановилась.

И она ответила, улыбнувшись:

«Мы ведь на ней стоим!»

И, не в силах совладать с улыбкой, спрятала ее в ладони, прислонив пальчики к губам – непроизвольное движе-

ние; и мне остались одни смеющиеся глаза, черные, как у голубя «Святого духа».

Я посмотрел себе под ноги, на следы в рябиновой крови, огляделся еще раз внимательнее. Выходит, санаторий расположен прямо на знаменитой горе Янган-тау! Значит, буквально подо мной, глубоко, гудит душа Горючей горы. Оттуда, из неутолимой преисподней, неумолимо поднимается горячий пар и достигает земли, где человека заковывают в саван из пластика и металла, и медсестра, жрица в белом, ненадолго уходит, оставляя больного один на один с Горным духом… Говорят, дух исцеляет от всех хворей, в том числе душевных.

Сколько же прошло веков, чтобы солнце, ветры, небесные воды напылили, надули, нарастили, нагуляли плодородный слой, чтобы залечились, заросли плеши и лысины Сгоревшей горы! Чтобы все вокруг зажило жизнью – изумрудной, красной, белой, летящей, бегущей, шуршащей и гомонящей… На это уложились десятки, сотни человеческих жизней.

Одной человеческой жизни на такое исцеление – мало…

И мне, Левому шмелю, захотелось, смертельно захотелось, подойти к жрице Янган-тау, этой красавице с агатовыми глазами, и оторвать ладошки от смуглого лица, и впиться в него поцелуем, запустив руку под пальто, где белый халат и правый упругий бок…

Башкирка смутилась и опустила глаза.

В это время вдруг зашумело в стороне и сверху. Огля-

нулся. Это стая серых птиц летела с панорамы, быстро меняя рисунок полета – то грудясь в рой, то выправляясь в линию, – и вдруг пернатые выстроились в клин и, перестав махать крыльями, понеслись на меня взводом маленьких самолетиков, распятий, норовя осенить Левого шмеля быстрой тенью. Первое желание – присесть, обхватив голову руками. Но не позволила джентльменская гордость. И я просто отвернулся и прикрыл на секунду глаза…

Вряд ли мое смущение кто-нибудь заметил, башкирка ушла.

ВЫТРЕЗВИТЕЛЬ

На распределении в штабе ДНД я сразу предупредил: у меня радикулит. К слову сказать, я вообще против всяких общественных дружин и отрядов, которые делают (якобы) то, что должны делать вполне штатные структуры. И если бы не «добровольная» обязаловка, которой был охвачен наш завод, как, впрочем, и все другие учреждения в начале восьмидесятых, и три дня к отпуску…

– Ладно, – сказал начальник штаба, угрюмый человек в штатском, – найдем и вам применение. – Он внимательно осмотрел меня с ног до головы, осуждающе обронил: – Такой молодой, а уже соли отложились… – Обстоятельно продолжил: – Да, в танцзал вам не подойдет, там не только танцевать – «махаться» иной раз необходимо. На дорожный патруль – ходить много. Вытрезвитель – самый раз. На раздевалке или на «воронке»… Сержант, – обратился он к тщедушному милиционеру с большой связкой ключей, – забирай этого тоже.

– Как больного, так мне, – пробурчал сержант.

Вторым «общественником», которого также направили в медвытрезвитель, был худой, неразговорчивый, сосредоточенный член комсомольского оперотряда, белокурый студент технического вуза. «Воронок» кружил по городу пару часов, пока мы набрали положенное по плану количество

«нетрезвенников». Все это время студент молча и аккуратно выполнял команды сержанта, а в минуты относительного спокойствия смотрел маленькими глазами на скуластом лице куда-нибудь в одну точку, сжав по старушечьи губы в маленький узелок, из складок которого выступала белая слюнная пенка.

– Каратист, – объяснил мне сержант, с которым мы были почти ровесники, кивая на студента. Говорил милиционер громко, не считая необходимым быть деликатным по отношению к этому молодому бессловесному истукану. – Любит с нами работать. Сам сюда каждый раз просится. Тренируется на натуре. Аккуратный, ничего не скажешь. Я ему первый раз сказал: что, в танцзале боишься дежурить – ответить могут? Думал, трус – нет, что-то другое.

…Первым взяли юнца лет шестнадцати, который трясся всем телом, как от дикого холода, и зачем-то нюхал воротник своей несвежей рубашки. «Кайфожор-колёсник, – объяснил сержант, – таблетки бормотой запивает». В будке «колёсник» разошелся:

– Менты поганые, ну, бля, не попадайтесь на дороге, выйду – всем конец! – он истерически завизжал и кинулся почему-то на меня. Я забыл про радикулит и резко пригнулся. Кулак просвистел над головой. Студент привстал, молниеносно отвел ладонь назад и, коротко вскрикнув, ударил хулигана куда-то в область уха.

Юнец с закрытыми глазами откинулся на стенку будки, за-

стонал, осел на деревянную лавку, зашарил растопыренными ладонями вокруг, ища за что бы взяться, чтобы не свалиться. Студент внимательно наблюдал за жертвой, медленно поворачивая голову на длинной шее, как длинношеий цыплак, то в одну, то в другую сторону, оглядывая объект отдельно левым, отдельно правым глазом.

– Хватит, спортсмен!.. – властно сказал сержант и посмотрел на меня: – Глаз да глаз нужен. Может переборщить. – В это время хулиган, не открывая глаз, завалился набок. – Порядок.

«Ничего себе, работенка!..» – растерянно подумал я, с трудом разгибаясь, тут же зарекшись на этом закончить карьеру дружинника, несмотря на партком и завком (можно будет отказ свалить на радикулит). Черт с теми тремя днями к отпуску.

В городском саду обнаружили двух пожилых забулдыг, давивших «огнетушитель» – большую бутылку темного портвейна. Мужики не сильно расстраивались, что их забирают в «вытрезвиловку» – привычное дело, но долго причитали по вылитым в парковые кусты «чернилам»: «Только открыли, начальники!..»

Из ресторана, по вызову, забрали шумного гражданина при галстуке, грозившего всех поувольнять с работы и завтра показать всем, с кем они связались. На чем свет поносил работников ресторана: «Мафия!.. В этой точке хозяйничает мафия! По ее наитию!..» Тогда слово мафия было весьма эк-

зотичным, и мы от души посмеялись, пока провожали гражданина до машины. «Я теперь понимаю, – он многозначительно оглядывал нас, – у этой мафии везде схвачено. Ничего…» Резких движений он не допускал, оправдывая галстук и фетровую шляпу, поэтому каратисту на этот раз не повезло.

На вокзале, в туалете, нашли спящего бича, который представлял собой что-то наподобие промокшего грязного мешка с прокисшими арбузами. В салоне от него стало трудно дышать и тесно перемещаться, потому что он не сидел на лавках, а лежал на полу. «Выпил, наверно, еще вчера, грамм сто пятьдесят, – объяснил сержант. – Внушил себе, что пол-литру. И ушел в спячку, как гусеница. Силы экономит. Даже по маленькому не сходит как следует, – под себя. Пока проснется – высохнет».

Время поджимало, пора ехать в участок, а плана еще не было. «Еще парочку – кровь из носу!» – озабоченно приговаривал сержант, не стесняясь задержанных. Заехали в танцевальный зал. Дружинники сдали нам чернявого парня, с ног до головы в джинсе, который абсолютно не вязал лыка – на вопросы не отвечал, но понимающе кивал и миролюбиво улыбался. «Ладно, грузите, там разберетесь, – сказал нам командир местного наряда и напоследок прокричал чернявому в ухо: – Ты, самое главное, хоть не иностранец?! В рот тебе кило… Кто ты по нации, а?» «Буль-тринтрин…» – пробулькал парень. «О!.. – обрадовался коман-

дир, – татарин! Наш человек. Давно бы так. – И опять нам: – Забирайте!»

Смеркалось. Сержант по внутреннему телефону приказал водителю подъехать к гастроному: «Давай, как обычно… за сигаретами.» Мне пояснил: «Инструкция: возле культурных центров не забирать. А куда деваться, гастроном – палочка-выручалочка. Тебе сигареты не нужны? Тогда, студент, давай!» Студент, по всей видимости, привычно, выпрыгнул из будки, вошел в магазин. Быстро вернулся, кивнул сержанту. Они оба прильнули к зарешеченному окну. Мне стало интересно, я присоединился к этим двум охотникам. Сержант нетерпеливо спросил: «Этот?» Студент утвердительно качнул головой. Сержант горячо зашептал в телефон, как будто боясь, что его услышат граждане на улице или командование в райотделе: «Давай за белым костюмом, в руках бутылка…» Машина тронулась. Остановилась, поехала опять. «Готово, стой! – с облегчением выдохнул в трубку сержант. – Студент, за мной!» Они быстро выпрыгнули, подошли сзади к мужчине в белом костюме, неторопливо бредущему по тротуару. Объяснили гражданину, что ему необходимо пройти с ними. Гражданин показал на свои часы, постучал по циферблату, пожал плечами и пошел в машину.

В салоне этот мужчина, на вид которому было лет тридцать, бледного аристократического облика, миролюбиво оглядел соседей по скамейке. Начал спокойно рассказывать, растягивая слова:

– Дома гости ждут. Не хватило. Только в отпуск приехал…

В это время сержант ловко лишил аристократа бутылки, сунул ее себе под ноги.

– Эй, служба, – мужчина, казалось, совершенно не беспокоился, что случится с его напитком и с ним самим в ближайшем будущем, а замечание делал просто так, для порядка, – не разбей. А то магазин закрывается, придется у таксистов покупать втридорога. У вас тут почем у таксОв?..

– Она вам сегодня уже не понадобится, гражданин, – с явным удовольствием успокоил его сержант.

– Это почему, собственно. Кстати, сержант, можешь называть меня просто: товарищ лейтенант.

– О! – сержанту стало интересно. – Офицер? Какого рода войск? Офицеров давно не брали.

– Морфлот. Мурманск. Подлодка номера и названия, которые тебя не касаются, сержант.

– Ну во-от!.. Вот мы и раскрылись, – удовлетворенно пропел сержант, – грубить, значит, умеем. – Он посмотрел на меня, как бы призывая в свидетели. – А на вид такой мирный был!..

Студент опять стал производить цыплячьи движения головой, готовый клюнуть.

В это время заработала рация. Приказали подъехать к проходной кирпичного завода, забрать пьяного работника.

Сержант обрадовано скомандовал водителю, куда ехать,

и поделился радостью со всем угрюмо приумолкшим салоном:

– Все, ребята, покатались и будет. План – есть! Сейчас последнего заберем – и баиньки!

«Последним» оказалась пьяная женщина, застрявшая ввиду своей грубости в адрес охраны на проходной кирпичного завода. В отместку за оскорбления охрана вызвала милицию. Это была мощная работница мужикообразного вида из породы молотобойцев. Сержант был весьма недоволен. «У нас нет женского отделения!.. Придется в другой конец города везти!» – кричал он охране. Главное, как я уяснил, пьяная женщина отнимала время, а в план не шла. Но эту подругу все же пришлось забирать – согласно должностной инструкции сержанта. Ее долго запихивали в салон «воронка», она упиралась, материлась и норовила попортить физиономию всем, кто ее обихаживал. Погрузка пошла легче после того как «каратист» ширнул ей куда-то в бок. «Молотобоец» ойкнула, обмякла. Прекратила сопротивляться.

В салоне тетка недобро уставилась на меня: «Это ты меня по почке ударил? Рано успокоился. Это еще не все…» Я посмотрел на ее руки-кувалды и подумал, что мне опять придется резко пригибаться со своим «радиком», будь он неладен. «Радик» тут же отозвался – в пояснице так прострелило, что я зажмурился. И сразу же ощутил два удара в голову – спереди и сзади: кулак влепился мне под глаз, после чего затылок шмякнулся о металлическую обшивку салона…

Вслед за этим я услышал короткий возглас каратиста, женский стон и окрик сержанта: «Студент!..»

Боксера-молотобойца сдали в женское отделение на окраине города.

В вытрезвителе мне оказали первую помощь и усадили на стульчик у входа в «приемный покой». Успокоили: сейчас прибывших оформим, и всех помощников, вместе с дневной сменой, развезем по домам. Перед тем как усесться в позе зрителя (от дальнейшей работы, ввиду полученных повреждений «при исполнении», я был освобожден), глянул на себя в зеркало. Глаз был лилово-красный, как у белого кролика, видимо лопнул сосуд. Под глазом медленно, но верно начинал проявляться фингал. Болел затылок. Постреливал радикулит, злорадствуя: ты мной был недоволен, теперь вот узнай, что такое настоящая неприятность.

Начали разбираться с прибывшими. «Татарин», за дорогу немного протрезвев, наконец, выговорил правильно свою национальность: «Болгарин». Перед ним извинились и отправили по указанному адресу. Человек в шляпе и при галстуке оказался исполкомовским работником. Его все же сфотографировали, но просили по этому поводу не беспокоиться, дескать, формальность. Он вызвал машину и уехал. Сержант кивнул ему вслед, а затем на фотоаппарат: «Теперь свой человек в исполкоме. На кукане».

Трясущийся юнец был как смиренный агнец, и первым,

в одних трусах, пошел в спальную камеру.

Два мирных парковых забулдыги раздели мокрого бича, разделись сами и все трое были мирно препровождены на ночлег. Немного повозились с морским офицером, который не хотел раздеваться, призывая персонал медвытрезвителя к справедливости и благоразумию. Упрямство имело результатом то, что офицеру заломили руки и стали раздевать насильно.

– Разоблачайтесь, товарищ лейтенант! – ернически восклицал сержант, расстегивая клиенту ширинку. – Не извольте дрыгаться, я же вам помогаю! А то придется вас в ласточку связывать, пол холодный… Тпр-ру, товарищ лейтенант!..

Тут я понял, что такое «ласточка»: – в конце коридора, тихо постанывая, изредка поворачиваясь с бока на бок, лежал, видимо, один из непокорных – ноги и руки связаны в один узел за спиной, грудь колесом, йог поневоле.

Морской офицер, зажатый с двух сторон, затих в полусогнутом состоянии, с красным от физического и морального напряжения лицом, принялся внимательно смотреть только на голову ловко работающего сержанта. А когда наконец поймал его взгляд, веско произнес, покряхтывая от боли:

– Да!.. И все же я лейтенант. А ты – сержант.

– Ну что хотят, то и делают с людями!.. – на пороге в приемный покой вытрезвителя, облокотившись на косяк, рука в бок, в зубах папироса, стояла… сошедшая с мультфиль-

мовой киноленты старуха Шапокляк. – Привет, мусорам! – Она задержала взгляд на мне и, видимо, оценив кровавый глаз, добавила: – И клиентам! – Предвидя недобрую реакцию со стороны присутствующих, она шутливо-фамильярно прикрикнула на сержанта: – Нервы!..

У персонала вытрезвителя было неплохое настроение после трудного дня: план почти выполнен, «больные» рассредоточены по палатам, акты оформлены. Эта бродяжка под легкой «мухой», случайно заглянувшая в их заведение, сулила небольшое развлечение, разрядку.

Старуха рассказала несколько анекдотов на милицейскую тему. Когда ей гостеприимно предложили ночлег в теплой камере, она вдруг страшно захохотала, потом затряслась, рухнула на скамью, где фотографируют клиентов, и истошно завопила:

– У меня во время войны немецкий солдат ребенка под машину бросил!..

Естественно, было уже не до смеха. Даже видавшие виды санитары потупили взоры, присели, кто где мог.

Когда старуха вышла из истерического состояния, зрители стали из вежливости задавать ей вопросы. Старуха, обессилено выкрикивая короткие фразы, поведала, что немцы проходили через их деревню, обоз: машины, подводы, конные и пешие… Подбежали два пьяных немца, один выхватил ребенка, другой замахнулся на нее прикладом… Помнит, что тельце упало прямо под колесо, тонкий вскрик, хруст…

Удар по голове… Потом у нее бывали редкие проблески сознания: она обнаруживала себя на каких-то вокзалах, под мостами, в кустах, среди больших собак… Куда-то шла, ехала… Ее кто-то кормил, бил, насиловал… Когда полностью пришла в себя, война как раз кончилась, а она находилась в нашем городе. Не могла вспомнить фамилию, родителей, мужа (наверное, был), какой ребенок – мальчик или девочка. Только и помнила: свое имя – Ядвига и место – Белоруссия, деревня… И тот страшный фрагмент, который все время и стоит перед глазами.

Я, поглаживая ноющий затылок, вдруг ощутил во встряхнутой недавно голове обычно тяжелые для этой самой головы философские мысли: как это, наверно, страшно – не иметь в памяти ни детства, ни молодости, ни родины, ни какой-либо, даже бедной, истории – ничего. Только какой-то уродливый кусок дикого события, произошедший, может быть, даже и не с тобой. Представил человека, вылупившегося из гигантского яйца: он может двигаться, говорить, у него все есть, кроме прошлого. Человек-цыпленок. Бр-р-р!.. Вспомнил о каратисте, отыскал его глазами. Он сидел такой же, как и в салоне «воронка», сосредоточенно уставившись куда-то в пустоту.

– Что ж ты ему камнем, что ли, по башке не дала? – нарушил тягостное молчание сержант. – Ах, да!.. Ну, в отряд бы подалась партизанский, ну я не знаю…

Старуха резко сменила тональность и перешла на преж-

ний фамильярно-шутливый тон:

– Да подалась бы, подалась!.. – Постучала по своей растрепанной седой голове: – Соображаловка ведь поздно вернулась, войне капут. А сейчас что, воюй с кем хочешь, хоть вон с этими американцами, с проклятыми, во Вьетнаме, – так и там, говорят все кончилось. В Афганистан – не берут. Подавайся куда хочешь, хоть в ментовку. Возьмете?

Все облегченно засмеялись.

– Возьмем! А ты стрелять-то, маршировать умеешь?

Старуха соскочила со скамьи:

– Стрелять научишь. А маршировать – смотри: раз-два, раз-два!..

Она резво замаршировала на месте, высоко поднимая острые коленки, добросовестно размахивая руками. Сержант взял на себя роль командира:

– Стой! – раз-два!.. Нале-во! Напра-во! Молодец! Смирно! Вольно! А сейчас – ложись!..

«Шапокляк» под дружный хохот растянулась на широкой скамье лицом кверху, руки по швам. Сержант присел на корточки от смеха.

– Ты же не так легла, Ядвига! А, понимаю, это у тебя профессиональная поза!

Ядвига окончательно поняла, что здесь к ней хорошо относятся, и в ближайшее время ей ничего не грозит. Лежа, не меняя позы, вытащила свежую папиросу, дунула, закурила, равнодушно уставившись в потолок.

Я, сержант и студент вышли во двор медвытрезвителя к машине, «воронку», который должен был развезти нас по домам. Залезли в салон, ступеньки показались неудобными, скользкими. Сержант вытащил бутылку коньяка, отобранную у морского офицера, наполнил под самые каемки два граненых стакана, протянул один мне, кивнул на студента: «Он не пьет». Выпили, закусили конфетами. Я представил, каким сейчас явлюсь пред очи жены: пьяный, с синяком под глазом. «Откуда?» – «Из вытрезвителя!..» Улыбка озарила мое лицо. Сержант принял это в свой адрес и тоже, впервые за весь вечер как-то необычно, по-детски улыбнулся: «Еще придешь ко мне на дежурство?» Я, не переставая улыбаться, пожал плечами: «Радикулит!» Он подал команду водителю трогаться, дожевал конфету и повернулся к каратисту:

– Слушай, ты бы попросился следующий раз, для разнообразия, куда-нибудь в дом культуры, в городской сквер. Танцы, девочки – во! Или на пеший патруль… Боишься, что побьют?.. Нет ведь.

ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ

Сначала я огорчился. Меня на две недели, в числе десяти инженерно-технических работников заводоуправления, отправляли на «ударный труд». Дело обычное для последнего времени: завод строил дом для своих работников, не хватало рабочих рук. Директор периодически «надергивал» по итэ-эровцу с каждого отдела, по возможности молодых. Составлял, как он выражался, бригаду «собственных нужд», которая сменяла аналогичную отбатрачившую смену.

…Утром на складе выдали «робу» – синий костюм с накладными карманами, серую фуражку классического пролетарского фасона, кирзовые ботинки. Бригадир, назначенный из настоящих работяг, велел во все это облачиться. Построил нас в шеренгу. Критически осмотрел строй, поцокал языком. Уверенно скомандовал, как старшина новобранцам:

– Подвигайтесь, подвигайтесь, вот так, – он показал, как нужно подвигать плечами, тазом. – Свободно? – Добавил так же уверенно и серьезно: – А теперь прищурьтесь… Так. Ну вылитые маоцзедуны! – и расхохотался.

Опасения не оправдались. Я очень быстро понял преимущества физического труда перед, так сказать, умственным.

Известно, что на большинстве промышленных предприятиях для инженерно-технических работников никакого «умственного» труда как такового не существует. Есть труд

нервный. Когда с самого утра начинаешь думать, как бы не попало на утренней планерке за вчерашнее. Днем озабочен тем, чтобы выполнить то, что предначертал тебе начальник утром. Вечером оправдываешься на «летучке» за то, что недоделал днем. Дома разряжаешься на домашних за все вместе. Ночью боишься телефонных звонков. Утром… И так далее, как подневольная белка в промышленном колесе. Которое то мерно крутится, давая план, то простаивает из-за поломок или нехватки горючего, то срывается вразнос, то резко тормозит. И так без конца и пощады. Зато в костюме, при галстуке, с папкой из кожзаменителя. Или даже из кожи, что, впрочем, счастья и покоя не прибавляет.

Работая в бригаде собственных нужд, я наконец понял, что такое счастье. Счастье – это практически бездумное движение членов и такое же напряжение мускулов. Когда из тебя выходит, естественным образом сгорая, энергия, полученная из пищи, воздуха и солнечных лучей. Не образуя шлаков в клетках, язв в желудке. И – покой!.. Это естественное, почти звериное состояние жизни сказывается здоровым румянцем, хорошим аппетитом, отличным сном, прекрасным настроением.

Мы работали на погрузке и разгрузке, мешали раствор, изолировали трубы, раскапывали кабель, засыпали траншеи. Особенно не рассуждая, кому и для чего это нужно. Что касается меня, я просто наслаждался тем, что можно не вникать в то, что делают руки. И даже экспериментировал, на-

сколько глубока может быть степень этого бездумства. Бери то, неси туда, залей сюда, отсыпь оттуда. За меня думал другой человек, бригадир, и это было хорошо! Я поделился с ним, который думал за меня, своими мыслями.

– По-твоему получается, что лучше труда разнорабочего и нет, – засмеялся бригадир, который был лет на двадцать старше меня. – Непонятно тогда, зачем это родители тебя в институт пихали. Стипендии-то уж точно не хватало? Опять же помогали пять лет. Знаю, сам шалопая учу. Наверное, худа мы вам желали? – встал бригадир на сторону моих родителей, на сторону своего поколения.

Далее из нравоучений «бригаденфюрера», как мы прозвали нашего непосредственного начальника, следовало, что хорошо мне сейчас потому, что работа на «собственных нуждах» – всего лишь разрядка для организма. Поставь меня перед «жизненным» выбором – и я вряд ли пожертвую своей инженерной, якобы «нервной», работой в пользу «такой пригожей, прям мечта» деятельности разнорабочего.

– Тебе хорошо сейчас… – бригадир задумался, подытоживая, – ну, не хорошо, а, скажем так, неплохо оттого, что положение твое… Как бы выразиться пограмотнее… Не безысходно. Или, по-научному, вариантно, – он поднял вверх прокуренный заскорузлый, весь в черных трещинах палец, символизируя жестом удачность подобранного слова, – о! – И закончил совсем, на мой взгляд, туманно: – Ты же сам учил, что движущая сила всех революций – кто? То-то же! Проле-

тариат!.. Которому окромя цепей – сам знаешь. У него – без вариантов. И это – отравляет. Так вот, хочешь обижайся или как, а – умирать будешь от язвы или от инфаркта, но галстук на кирзачи до самой пенсии не променяешь.

Признаться, я действительно немного обиделся, но виду старался не показывать. На следующее утро на первом перекуре бригадир, вроде без всякой связи со вчерашним разговором и без повода, сказал мне почти на ухо:

– Сегодня будем соль грузить на очистных сооружениях. Там операторша. Магда. Заметь. Понаблюдай…

Сват, тоже мне, подумал я несколько снисходительно. Смешно стало: посмотрел на бригадира внимательнее. В нелепой робе, приземистый – раздавленный годами и работой, в морщинах. Загорелые коричневые уши, оттопыренные глубоко нахлобученной на седую голову серой фуражкой. Тут я, удивившись, вспомнил, что холостой. За этой работой глаз некогда поднять. Вечером – поужинаешь и сразу спать. Спалось, как я уже заметил, последнее время без задних ног. Представил, сконструировал себе эту самую Магду-Магдалинку: невысокая стройная брюнетка, голова в белом платочке, рабочий костюм, который своей несоразмерностью и нелепостью только подчеркивает изящество молодости. Короткие кирзовые сапоги с подрезанными голенищами – ладно сидят на красивой ноге. В руках какой-нибудь уровнемер… И я уже с благодарностью смотрел на «свата».

Очистные сооружения оказались довольно сложным производством. Снаружи большие резервуары. Внутри – огромные емкости, похожие на бассейны с бурлящей бурой водой. Со всего завода приходят сюда канализационные стоки, очищаются какими-то бактериями и сливаются в отстойники, и далее на рельеф. Это все коротко объяснила нам Магда – оператор аэротенков. Реальность не совпала с мечтами – это была крупная, крашеная по седине женщина лет пятидесяти, которая, учитывая мой почти юный возраст, вряд ли могла меня интересовать в том качестве, за мечту о котором бригадир ошибочно удостоился «свата».

Следовательно, «бригаденфюрер» имел ввиду что-то другое. И я, по мере возможности, стал присматриваться…

В общем-то, ничего примечательного, если не считать несколько странной для такой небольшой должности выправки и мимики.

Когда в зале аэротенков появлялись посторонние, то есть мы, из погрузочной бригады, Магда начинала вести себя так, будто на ней фокусировались все взгляды находящихся в этом помещении. Спина выпрямлялась. Накрашенные губы сжимались в яркую плотную полоску, слегка изогнутую по краям книзу – кислая презрительность ко всему, что ее так несправедливо окружало – канализационные стоки, бактерии. Выразительные сами по себе, даже без густой туши, глаза делали резкие движения: вдруг бросались на людей вызывающе («Я понимаю, что вы видите эту мерзость, я вижу

ее не меньше, чем вы…”), после чего резко опускались долу вместе с изящным, как ей, наверное, казалось, отворотом головы рыжего, почти красного колера («Я здесь случайно, внутренне я этого не касаюсь, я выше этого, мне все равно, что вы обо мне думаете, еще неизвестно, кто из нас…”).

Вот и все наблюдения. Наверное, пошутил бригадир.

Период собственных нужд, две рабочие недели, благополучно завершился. Два выходных перед уже опять итээровским понедельником я отмокал, чистил перышки.

Явился в отдел чуть ли не суперменом. Постройневший, с округлившимися плечами. Загар – лицо, шея, руки. Четко обозначенные скулы, крутой подбородок – гладко выбритые супербритвой и смягченные суперкремом. Одеколон – терпкий миндалевый аромат. Белоснежная рубашка, охваченная в вороте приослабленным галстуком с золотой булавкой… Очаровательная разведенка Лара из планового, ноги от коренных зубов, которая встает из-за стола, как джин из бутылки, изгибая змеино божественное тело, – Лара посмотрела на меня небезнадежно, вариантно…

Что такое счастье?.. Чего только не надумаешь от усталости! Чушь – мысли двухнедельной давности.

За рабочий день, с планеркой, «летучкой», перекурами, кофе и шутливыми комплементами, я почти забыл про период «собственных нужд» – он быстро превратился просто

в какую-то тренинговую фазу, подарившую стройность, загар, прибавившую мужской уверенности.

…А вечером в центральном универсаме, куда по дороге домой зашел за небольшими покупками, – вот уж неожиданность, как будто привет из другого мира – я увидел… Магду. Какая разительная перемена! Мне стало интересно, и я, став за фикусом, задержал на ней свое праздное внимание.

Она была одета в длинное вечернее платье, похожее на мантию, скользкое, с блесками, отороченное мехом. (Конец рабочего дня!) В сравнении с людьми в очереди, она смотрелась выше многих – кроме природных данных, осанка и королевское платье делали свое дело. Но самое поразительное в том, что на лице ее было то же выражение – кислой брезгливости. Впрочем, здесь, в очереди, ее этот облик просился уже на аллегорию: превосходство. И будто для усиления производимого на меня эффекта, Магда стояла в голове очереди, как лидер.

Зашли несколько женщин в заляпанных комбинезонах, попросились без очереди: «Вторая смена… „тормозок“ на работу». Некоторые в людской магазинной веренице отнеслись к просьбе без энтузиазма. «Работяги» обиженно и поэтому несколько отчаянно: «Вырядились… Совсем рабочих не уважаете… Вы думаете нам легко…»

Я был уверен, что Магда узнает в женщинах своих соратниц, улыбнется, уступит…

Магда загородила собой прилавок, степенно сделала покупки, уложила в сумку. Повернулась к женщинам в комбинезонах и сказала безжалостно, хищно, презрительно, превосходяще, торжественно, победно, как будто несколько дней ждала такого момента, и вот он настал:

– Кто на что учился!..

И покачивая широкими бедрами под сверкающим платьем и красной головой на сильной морщинистой шее, грациозно вышла.

ЛЕТЕЛИ ДИКИЕ ГУСИ

Нет, определенно, у мамки на старости лет поехала крыша, – в который раз говорил себе Генка, выходя во двор и оглядывая беспокойную компанию.

Хотя, конечно, насчет возраста «берегини», как он шутливо называл родительницу, это как посмотреть: Генку, которому еще нет семнадцати, она родила восемнадцатилетней. «Женщина – диво!..» – нечаянно услышанное сыном мнение о матери. Беседовали два соседа. Его слуху и взору, сквозь пахучую ветку вечерней сирени, достались только, слетевшие с махорочных губ, два слова, окрашенные страстным, уважительным сожалением. Вздохи-затяжки: «Да-а-а!..» – задумчивое молчание, дым через ноздри. Два коротких слова, наложенные на какую-то историю – известную или тайную, – сказанные с особенным настроением, могут звучать долго и говорить о многом, – подумал тогда Генка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.